

БЕЛЬЦЫ

РАССКАЗЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

сборник

составитель Арье Гойхман

ИЕРУСАЛИМ

2006

Составление и редакция:

Арье Гойхман

Корректурa:

Эстер Шор

*Особая благодарность
Александру Сойферу,
чья настойчивость и вера
помогли завершить эту книгу*

Все права защищены!

© Содержание: Авторы
© Составление: Арье Гойхман

отпечатано в Израиле

2006

"БЕССАРАБСКИЕ ОБЛАСТНЫЕ ВЕДОМОСТИ"

ЛЕТО 1860 ГОДА

Город Бельцы принадлежит к числу самых торговых и промышленных уездных городов по всей Бессарабии. Составляя центральный пункт богатой и многоземной местности, находясь посередине между Днестровским и Прутским бассейнами, город Бельцы получил весьма важное значение от ярмарок, которым и обязан настоящим своим развитием.

Ярмарок в продолжение года бывает 11, и некоторые из них представляют цифру оборота весьма значительную и едва ли не единственную во всей Бессарабии по предмету торговли скотом, гурты которого отправляют за границу, преимущественно в Австрию. Для внутренних оборотов, приобретения и сбыта сельскохозяйственных продуктов по мелочам, город Бельцы - первый рынок для центральной и частью северной Бессарабии. Здесь же, во время большого съезда на летние ярмарки владельцев, посессоров и

негоциантов с больших торговых городов, слагаются цены на хлеб, который и отправляется сухопутной транспортировкой в Одессу или же нагружается на галеры и проводится Днестром до села Маяк. По этому можно судить, что обороты и движение капиталов в Бельцах значительны.

Нельзя, однако же, сказать, что город этот представляет все выгоды и удобства, каких требуют торговые операции, соединяет все потребные условия для безостановочного и правильного движения всей массы приезжающих по разным делам. Как собственность владельца, город Бельцы не имеет тех прав, какими пользуются вообще казенные города. Приобретение крошечного участка под оседлость сопряжено со значительной уплатой владельцу или его поверенному вперед, не считая ежегодной дани, платимой за каждую сажень от жилых построек с лицевой стороны. От этого квартиры и вообще помещения в Бельцах крайне стеснительны и дороги.

Далее, местность хотя и обширная, но состоящая из низменности, прилегающей к реке Реут, болотистой и топкой, представляет в осеннее и частью зимнее время и вообще в сырую и дождливую погоду непроходимую грязь, которая смело может поспорить с балтовской. Обширная площадь для рогатого скота в этом отношении замечательна. На этом пространстве люди и скот буквально барахтаются. Даже среди лета не высыхают лужи, в которых стоячая и затхлая вода от действия лучей солнечных производит вредные испарения лихорадки. Оттого город Бельцы не может похвалиться климатом, преимущественно в низменной местности, приближающейся к топям долины реки Реут.

Верхняя часть города, в которой расположен дом владельца, множество чистеньких и красивых домиков чиновников, зажиточных граждан, где находятся также уездные присутственные места, временные и постоянные лавки, довольно красива. Это своего рода форум Бельц; тут же довольно просторная площадь, где в ярмарочное время выставляются для продажи лошади, экипажи, разные балаганы.

При всем том... во время ярмарок, то есть при наплыве огромной массы народа, в помещениях встречается крайний недостаток. Для приезжих в помещении крайне мало удобств, а это весьма важно, потому что не всякий же может помещаться в отведенной за дорогую цену конурке, терпеть сырость, сквозняки и прочие невзгоды, предрасполагающие к простуде, катару и др.

В городе всего-навсего одна гостиница с несколькими жалкими номерами; во время ярмарок она битком набита, несмотря на высокие цены за суточное помещение. При гостинице есть луканда, единственная во всем городе, куда к общему столу, особливо вечером, по закрытии торговли, сходятся торговцы, промышленники, посессоры, разные поверенные.

Весь интерес ярмарочный, ход торговли, цены на продукты и скот, слухи о саранче, все это узнается, обо всем этом трактуется в этом своего рода караван-сараяе. Послушать общую беседу - право интересно, тут рисуются личности сами собою, лучше всякой фотографии. Беседа не останавливается долго на одном предмете, переходит постоянно от знаменитых в своем роде подвигов до фантасти-

ческих рассказов охотников, касается телеграфа, политики и сводится на саранчу. Да, теперь совершенно не то: новое поколение, гибкое, щеголеватое, давно уже сменило брюзгливых, неуклюжих, в поношенном вицмундире старичков. Прогресс проглядывается повсюду, о нем говорят везде, чего же еще?

Можно пожалеть, что в таком промышленном городе нет телеграфа, который поминутно давал бы сведения о ходе заграничной торговли хлебом. Этим пользуется как нельзя более мелкая, кулачная спекуляция в ущерб экономическим расчетам. Цены на сельскохозяйственные продукты определяются требованиями купеческих контор, поверенные которых разъезжают по всей Бессарабии. Кто может дать понятие в глуши о биржевых ценах одесских, и преимущественно там, где ничего не читается и не выписывается? "Письмо очи колет" говорит малороссийская поговорка, и вследствие этого появились особого рода спекулянты с какими-то телеграфическими депешами, показывавшимися каждому по секрету, в которых говорилось об упадке цен и современном застое хлебной торговли на одесском рынке. Этими импровизированными депешами едва ли кого-нибудь можно теперь поддеть, однако же, на эту удочку некоторые зацепились...

В числе сюрпризов, появившихся на бельцкой ярмарке, был фейерверк в помещичьем саду, пущенный г-ном Кулажко; кишиневская публика имела уже удовольствие познакомиться в городском саду с искусством г-на Кулажко. В Бельцах повторилось то же самое, только, кажется, еще хуже. Зачем злоупотреблять доверием публики, кото-

рая верит на слово написанному в афишах, платит условленные деньги и возвращается решительно недовольною и разочарованною. Ведь это подрыв кредиту собственному и других.

В числе редкостей замечательных в городе Бельцы, находится, бесспорно, храм, в котором император Александр Благословенный во время посещения своего Бессарабии в 1818 году слушал молебен о рождении ныне благополучно царствующего Государя Императора. Это лучшее и первое достояние города Бельцы. Но вот отрадное явление: в Бельцах в конце августа или в начале сентября откроются по примеру других городов воскресные школы; господа учителя принимают на себя с удовольствием труд преподавания предметов. Польза образования сознается теперь в самых отдаленных закоулках нашего Отечества. Не мудрено, что этому все мы сочувствуем с таким непритворным удовольствием. Кто любит свою страну, тот должен радоваться всякому преуспеянию в деле народного образования.

Юрий Рашкован

МОИ БЕЛЬЦЫ

До Второй мировой войны в городах и местечках Бессарабии существовали известные во всём еврейском мире общины с характерным образом жизни, развитой и весьма колоритной идишской культурой. Не случайно певец этого мира Шолом Алейхем одно из самых ярких своих произведений – "Блуждающие звёзды" – посвятил бессарабским евреям.

Одним из таких центров был город Бельцы. Во всех общинах мира известна знаменитая песня "Майн штэтэлэ Бэлц". О размахе религиозной и светской жизни в этом городе свидетельствуют хотя бы такие факты: в нём действовало около тридцати синагог, 11 молельных домов, "Талмуд-Тора", мужская и женская еврейские гимназии, начальные школы, детский сад, еврейская больница, поликлиника, ночной приют... Холокост всё это перечеркнул.

На севере Молдовы, в самом центре плодородной Бельцкой степи, расположен второй после Кишинёва промышленный и культурный центр Бессарабии – город Бельцы.

История этого города уходит далеко в глубь веков: на его окраинах найдены предметы, относящиеся ко времени первобытного общества.

Первые сведения о существовании поселения на месте нынешних Бельц относятся к началу 15-го века. В 1421 году при молдавском господаре Александре Добром поселение входило в состав владений княгини Мазовецкой, сестры литовского князя Владислава Второго. В конце 15-го века буджакские татары во главе с ханом Менгли-Гиреем полностью разграбили и сожгли поселение.

С конца 15-го до начала 18-го веков сведений о разрушенном поселении не имеется. Однако известно, что его территория входила в состав Молдавского княжества. В начале 18-го века, во время Прутского похода Петра Первого, Бельцы являлись основной базой снабжения русской армии. После отступления русских войск здесь остались большие запасы продовольствия. Узнав об этом, буджакские татары вновь напали на поселение, разграбили и сожгли его.

В 1766-ом году, после изгнания татар, господарь Молдовы Александр Гика подарил земли на реке Реут Ясскому монастырю святого Спиридона и крупным купцам – братьям Александру, Константину и Иордакию Панаите. В имении Панаите начинает строиться село Бельцы, которое в конце 18-го столетия становится небольшим торговым центром. В 1795 году Георгий Панаите выстроил здесь собор. Сегодня это самое старое здание города. В планы помещиков Панаите входило дальнейшее развитие поселения и превращение его в город. С этой целью, начиная с 1779 года, они

стали приглашать евреев в Бельцы. Архивные документы свидетельствуют о согласии молдавских господарей Константина Морузи и Александра Иона Маврокордата на переезд евреев в Бельцы.

В результате русско-турецкого договора, подписанного в Бухаресте 25-го мая 1812 года от имени России фельдмаршалом М.И. Кутузовым, Бессарабия была аннексирована Россией. В период с 1812 по 1818 гг. на её территории проживало около пяти тысяч еврейских семей – выходцев из Подолии, Польши и Германии. Небольшую их часть составляли "сефарды", потомки испанских евреев, изгнанных испанской королевской четой Фердинандом и Изабеллой. По переписи царских властей 1812 года в Бельцах уже проживало 244 семьи евреев, а общее их число составляло 1220 человек.

В дальнейшем количество евреев города росло вследствие политики поощрения царскими властями заселения Бессарабии. К правам, которыми евреи пользовались в период пребывания края в составе Молдавского княжества, российские законы добавили разрешения заниматься коммерцией, вступать во владение пустующими землями, поселяться в деревнях, арендовать помещичьи земли, производить и продавать спиртные напитки. Но главную роль сыграл закон 1821 года, согласно которому призыв в армию не действовал в отношении евреев, живущих на территории Бессарабской губернии, поэтому известные всему еврейскому миру кошмары кантонистов их не коснулись.

Вот как описывали современники эти события: "В 1832 году покойным Императором Николаем был издан цар-

ский указ, согласно которому все лица еврейской национальности, желающие покинуть города их местожительства и поселиться на землях Бессарабии и Херсона, давно пустовавших из-за отсутствия жителей, чтобы заниматься там обработкой земли, получают льготы за их работу по возделыванию земли, не будут платить налогов, а сыновья их будут освобождаться от службы в армии".

В одном из рассказов Менделе Мохер Сфорима описывается путешествие по Бессарабии – стране, "где текут молоко и мёд". Писатель Залман Эпштейн, живший в середине 19-го века в Бельцах, писал в "Цфира" ("Гудок"): "Материальное положение здесь по сравнению с положением остальных евреев России очень хорошее. Земля жирная и плодородная. Урожаи получают обильные. Мамалыга и вино – в большом количестве и стоят дёшево".

Говоря о развитии Бельц, нельзя не упомянуть, что городом они стали 19-го апреля 1818 года по старому стилю. Что же произошло в этот день? Император Александр Первый, путешествуя по Бессарабии, по дороге из Хотина в Кишинёв вынужден был из-за бездорожья остановиться на ночлег в Бельцах. Здесь он получил известие о рождении внука – будущего императора Александра Второго. В честь радостной для него вести он повелел Бельцам отныне и впредь быть городом. В том же году Бельцы стали административным центром Ясского уезда, переименованного позднее, в 1897 году, в Бельцкий.

Выше уже говорилось о той роли, которую сыграли евреи в развитии этого города. Вот что пишет иностранец, посетивший Бельцы в 40-х годах 19-го века: "После того,

как мы пересекли страну, начиная от Новоселиц (границы с Австрией), не встретив никаких признаков экономической деятельности, то были приятно удивлены, приехав в Бельцы. Здесь царствует трудолюбие, имеется большое количество торговцев и другого деятельного населения. Кроме каждодневной ярмарки, в городе проходят очень часто базары по продаже крупного рогатого скота и лошадей, осуществляются сделки на многие миллионы рублей. Торговцы почти все евреи"

Но именно в это время (в начале 40-х годов 19-го века) положение евреев Бельц, как и всей Бессарабии, резко ухудшается. В этот период времени царское правительство решило, что край заселён в достаточной степени, и стало проводить политику притеснений и ограничений, приравняв евреев Бессарабии к их собратьям в других губерниях России.

Положение об этом было введено в 1835 году, но в Бессарабии оно начало действовать только спустя четыре года, в 1839-ом. Призыв бессарабских евреев в армию начался с 1852 года...

По указу 1858 года евреям было запрещено проживать на территории шириной в 50 км от любой границы. Указ разрешал, правда, проживание в этой зоне только тех, кто уже здесь постоянно жил. Но самые жестокие антиеврейские законы, известные в истории под названием "Законов Игнатьева" (или, по-другому, – "Временной регламентации"), а также "Майские законы", вступили в силу в 1882 году. Они запрещали евреям проживать в сёлах и владеть недвижимостью.

Несмотря на то, что Бельцы являлись центром всего северного региона Бессарабии и были расположены в 50 км от государственной границы, можно себе представить, в какой степени новые антиеврейские законы коснулись непосредственно евреев города и их многочисленных родственников, живущих в уезде.

Документы тех лет свидетельствуют, что только в течение 1887 года из Бельц и сёл, прилегающих к городу, было выслано более 5000 евреев. Эти операции, проводимые полицией, сопровождались актами жестокого насилия.

В одном из источников мы читаем: "Высылка – как стихийное бедствие. Несмотря на крепкий мороз, изгоняются "этапом" по несколько семей вместе каждую неделю. Эмиграция стала единственным выходом".

Другой источник сообщает: "Известия о надругательствах и изгнаниях появляются всё время, так как многие не могут доказать проживание в городе до 1870 года. Евреи Фалешт высылаются через Бельцы" (эти и последующие цитаты взяты из книг: "Сэфэр Бэлць Бессарабия". Тель Авив, 1993; Шломо Иуваль. "Бельцкая еврейская община в 19-ом столетии". Бельцы, 1994 год).

В это время из Санкт-Петербурга в Бельцы приехал Файнберг, один из руководителей эмиграционного фонда барона Гирша, и создал группу желающих выехать в Аргентину. "Группу бельчан составляют мелкие капиталисты, уважаемые люди, которые не думали бы об эмиграции, если бы не выселяли евреев из сёл. Но после прибытия изгнанников и пространных бесед с ними начали уезжать".

Несмотря на отъезд значительной части бельцких евреев за рубежи России, их количество в 1900 году, как свидетельствует статистика, составляло в городе 11 тысяч человек из 20 тысяч общего населения.

Для более полного представления об еврейских Бельцах второй половины 19-го века приведу высказывание Абрахама Дова Готлобера, западноевропейского учёного, дважды посетившего Бельцы в 1823 и в 1864 годах: "...и как велика была моя радость в городе Бельцы (куда я прибыл в воскресенье после субботы; из Единец выехал 13 Сивана, к вечеру), когда пришли встретиться со мной уважаемые образованные учителя: господин Шапиро (назначенный казённым раввином общины) и господин Гистлинг – оба молодые люди, выходцы из Литвы, получившие образование в раввинской школе Вильно; уважаемый попечитель школы первой ступени образованный предводитель рэб Мендл Гроссман, человек молодой, из состоятельных, стремившийся к наукам, уважаемый с молодых лет. С ними еще один человек, имя которого – доктор Барлер; и уважаемый мой друг, с которым я не виделся более двадцати лет, доктор Лэмул Бортник с сыном. Эти дорогие люди собрались вокруг меня и видели во мне отца и брата, и такими воспринимал их и я. Приобрели они у меня за полную стоимость пять экземпляров книги "Из Египта", изданной недавно в Вене"...

И, конечно же, представляет интерес видение Бельц людьми, родившимися и проведшими своё детство в этом по-настоящему еврейском городе. Вот что пишет известный еврейский писатель Яков Фихман: "Повидал я города

большие и полные очарования, но куда бы я ни ходил, где бы ни странствовал, я не видел такого освещения травы, как на лугу на берегу реки Реут, где она светилась золотыми блестками на глади воды".

Расположенный на перекрёстке больших дорог (он связывал Черновцы, Хотин, Сороки с Кишинёвом, Бендерами, Аккерманом, Измаилом), город становится значительным торговым центром Бессарабии.

Главным предметом торговли был скот. В первое воскресенье каждого месяца на бельцкие базары, длившиеся два или три дня, съезжалось множество купцов, которые пригоняли от 8 до 20 тысяч голов скота для продажи. Основными скупщиками скота были австрийские купцы. Большая часть скота вывозилась из страны через таможенную у села Новоселица (на границе с Австрией) и Одесский порт. Раз в год – 20 июля – в Бельцах проводились ярмарки, где также сосредотачивалось большое количество скота.

Во второй половине 19-го века Бессарабия встаёт на капиталистический путь развития. В Бельцах расширяются мастерские еврейских ремесленников, создаются мелкие предприятия, главным образом кустарного типа, с небольшим количеством рабочих. Так, известно, что на мыловаренном заводе купца Зельмана работали по найму 22 рабочих.

В 70-80-х годах Бельцы продолжают расти как торговый центр по продаже кустарных и ремесленных изделий. К этому времени в городе было три свечных завода, одна мельница, один спиртовой завод, десятки лавок, большинство владельцев которых были евреи.

В 1892-1894 годах в Бессарабии строится первая железная дорога Слободка – Рыбница – Бельцы – Окница – Липканы. Затем эта линия была продолжена до Унген, откуда она шла через Кишинёв, Бендеры, Тирасполь до Одессы. С начала эксплуатации железной дороги город стал развиваться ещё быстрее: Бельцы становятся главной пассажирской станцией Бельцкого, южной части Хотинского и северной части Оргеевского уездов. Этим город стал ещё привлекательнее для еврейских ремесленников, торговцев, купцов, рабочих.

Говоря о духовной жизни того времени, следует иметь в виду, что наиболее влиятельным течением в еврейской общине города был хасидизм.

Во главе хасидского центра ХАБАД до Первой мировой войны стояли крупные знатоки Торы Хаим Бар-Он и Ноах Софер. Из казённых раввинов того времени можно упомянуть рэба Шимона Якубофа, занимавшего этот пост в Бельцах более 25 лет.

Уже в те годы в городе работает "Талмуд-Тора", несколько хедеров, еврейские больница и столовая для бедных. Главным источником их финансирования были щедрые пожертвования филантропов. Многие тысячи рублей завещали общине Гальперин, Змаховский, врач Выводцев.

В последние десятилетия 19-го века в Бельцах были созданы сионистские организации. В 1883-м году возникло общество "Друзей заселения Эрэц Исраэль". В городском филиале "Ховевей Цион", вдохновителем которого был Залман Эпштейн, состояли 120 человек. Активистами общества были Э. Ципис. Ш. Розентулер и др.

В 1887 году сионисты города организовали группу из сорока семейств с целью создания поселения в Эрэц Исраэль. Широкую известность получила деятельность бельцких сионистов, основавших Кастино (Бар Товию). Для этого была направлена делегация в Париж. Ей удалось убедить цадика Коэна, главного раввина Парижа, а впоследствии и всей Франции, а также Микаэля Эрлингера, руководителя парижского общества "Ховевей Цион", выступить в защиту интересов "олим из Бельц" перед бароном Ротшильдом.

На рубеже 19-20 веков в городе действуют также "Керен Каемет" ("Еврейский национальный Фонд") и "Хафцат ашекель" ("Сбор членских взносов"). Признанием работы сионистов Бельц по заселению Эрэц Исраэль было предоставление городу права послать на 7-й Сионистский конгресс в 1905 году своего делегата. Им был избран Ш. Рабинович.

Рост эмиграции из Бельц, как в целом из Бессарабии, был естественно обусловлен антисемитской волной, которая захлестнула край в эти годы. Кишинёвский погром, статьи Крушевана в бессарабской и общероссийской прессе, пропагандирующие звериную ненависть к евреям, речи депутата-черносотенца в Государственной Думе Пуришкевича, владельца крупного поместья в Бельцком уезде, призывавшего к уничтожению евреев, убеждали в необходимости покинуть город, где их предки жили в течение столетий...

С началом Первой мировой войны Бельцы оказались в прифронтовой зоне. Военные действия на австрийском

фронте, а также события, которые произошли после вступления Румынии в войну, ещё более ухудшили положение еврейского населения. Крах царизма и Октябрьский переворот 1917 года, вхождение Бессарабии в состав румынского королевства знаменовали собой период тяжких потрясений для еврейских масс.

В условиях растущего государственного антисемитизма многим пришлось выучить новый государственный язык – румынский. В 30-е годы Бельцы стали центром деятельности откровенно фашистских партий гитлеровского толка, кузистов и легионеров-железнодорожников.

Но, несмотря на исключительно сложную социальную, политическую, экономическую, национальную обстановку, еврейские Бельцы продолжали жить и развиваться. Этому способствовали трудолюбие, упорство, стойкость, верность еврейским традициям, стремление добиться лучшего будущего для своих детей – качества, столь характерные для нашего народа.

В середине 30-х годов благодаря творческой активности общины и её руководителей – председателя, инженера Р. Иоффе, его заместителей Р. Левтова и Х. Иоффе, кассира М. Неймана, секретаря К. Гринберга, руководителей секций: Г. Липсона, А. Добрускина, Л. Ицковича, М. Гулько, Ш. Бурда и А. Лапскера – успешно действовали еврейские общественные организации: больница, приют для пожилых, начальные и индустриально-коммерческие школы, мужской и женский лицеи, народная столовая, медико-санитарный институт "Озе", сиротский дом, баня, диспансер, библиотека, детские сады, ночной приют.

Особенно хочется остановиться на роли еврейских лицеев Бельца в деле воспитания поколения интеллигентов, преданных идеям сионизма. Языком преподавания в лицеях был иврит, что способствовало быстрой абсорбции его питомцев в Эрец Исраэль. К концу тридцатых годов в лицеях и в начальной школе учились более 500 учащихся.

В Израиле и других странах существуют общества выпускников бельцких еврейских лицеев. Эти люди с благодарностью вспоминают своих учителей: директоров Б. Дубинского (1919-1924), И. Тумаркина (1924-1931), Р. Каца (1931-1940). В семьях бельцких лицеев хранятся фотографии педагогов: С. Бурд, С. Килимник, Л. Куперштейн – учителей начальной школы. Из преподавателей лицея отмечу: Р. Каца (математика), М. Лангермана (иврит), Л. Дубиновского (рисование), А. Энглера (немецкий язык), И. Глейбмана (математика), Ф. Гутмана (философия), А. Вайнтрауб (французский язык), Н. Брановера (педагогика), Е. Гаузштейна (французский язык).

Особое место в еврейских Бельцах принадлежало народному здравоохранению. Больница называлась еврейской. Но это относилось только к факту, что она была создана евреями и содержалась на их средства.

В связи с тем, что долгие годы в городе не было ни одной коммунальной больницы, в еврейской больнице принимали больных, невзирая на их конфессиональную принадлежность. Любой обратившийся за медицинской помощью получал её без учёта его происхождения или общественного положения. И самое главное для того времени: лечение было бесплатным.

До сих пор в молдавском городе Бельцы помнят главных врачей этого лечебного учреждения: докторов Пинкензона, Галберштадта, Вестермана, Польского, Линецкую. Руководителями отделений работали: родильного – Пинкензон и Скляр, хирургического – Гурфель и Рыбаков, внутренних болезней – Гробман и Дац, ларинголог – Линецкая, кожно-венерологического – Баршак, детских болезней – Крути, инфекционного – Файнблат и Флейшман. Старшие поколения города помнят акушерку Сегал, сестёр больницы Горину, Гельфанд, Судак, Калик.

Выше уже говорилось об исключительно сложной обстановке 30-х годов в Бессарабии. Но речь шла также о месте и роли, которую играла еврейская община в Бельцах тех лет, об авторитете её лидеров. К сказанному можно добавить, что в 1936-1937 годах заместителем примара (мэра) города был Марк Диментберг, а председателем торговой палаты работал Бернард Вальтер.

Обстановка в Европе и во всём мире на рубеже 30-40-х годов поставила еврейскую общину Бельц в ситуацию нового разлома. В результате пакта Риббентропа-Молотова от 23 августа 1939 года Бессарабия в июне 1940 года была занята Красной Армией.

Евреям, как и всему населению, пришлось вновь засесть за учебники и в срочном порядке выучить русский язык. Начались аресты активистов общины, сионистов, а в ночь с 13 на 14 июня 1941 года сотни бельцких семей были высланы в Сибирь как враги народа.

Но самое страшное ожидало еврейские Бельцы несколько недель спустя. 22 июня 1941 года Германия напала на

Советский Союз. На рассвете этого кровавого воскресенья город был подвергнут жесточайшей бомбардировке. Интересно, что и в эту ночь, и во время последующих налётов абсолютно не пострадали военный городок, казармы погранотряда и другие военные объекты. Зато были буквально стёрты с лица земли еврейские кварталы.

Ивритские термины "Шоа" (Катастрофа) и "Хурбан" (Разрушение) в полной мере отражают суть небывалого в истории нашего народа потрясения. Уничтожение нацистскими извергами евреев Бельцы является частью Холокоста европейского еврейства в годы второй мировой войны.

9 июля 1941 года в Бельцы ворвались части 11-ой германской армии. Вместе с регулярными войсками вермахта в город вошли айнзацгруппы зондеркоманды СС-10А. Айнзацгруппы и зондеркоманды были специальными подразделениями, в задачу которых входило уничтожение мирных жителей и прежде всего – евреев. Массовым истреблением евреев в Бельцах руководили генерал Зеетцен, командир зондеркоманды полковник Колер, его заместитель капитан Праст. Последние двое были профессиональными убийцами, обладавшими опытом массовых казней польских евреев

К погромам в городе и прилегающих к нему местечках были также причастны генералы Зальмут и Хоф. Но, конечно, главным палачом был Отто Олендорф, руководитель айнзацгруппы СС "Д", которая начала своё кровавье путь в Бессарабии, продолжив затем уничтожать десятки тысяч евреев южной Украины, Крыма и Кавказа. Штаб одиннадцатой армии с 9 июля 1941 года размещался в Бельцах.

Комендантом города был назначен уже упоминавшийся выше полковник Колер, его помощником - эсэсовский капитан Праст. Под их непосредственным руководством каратели согнали евреев города в два гетто: дворы банка "Молдова" и городской тюрьмы. 11-го июля десять евреев были расстреляны в сквере перед собором св. Николая.

По приказу Праста был образован "юденрат". Его председателем назначили Бернарда Вальтера. 15 июля весь состав "юденрата" привели в гестапо. Праст потребовал список двадцати евреев-коммунистов.

Все члены еврейского комитета были единодушны в своём решении отказать эсэсовцу в его требовании. Они тут же были арестованы. Об этом мы узнаём из капитального труда "Чёрная книга" румынского историка Мататиа-са Карпа.

У эсэсовского капитана Праста, помимо садистских наклонностей, было ещё одно "хобби": он фотографировал евреев перед расстрелом, во время казни, трупы мужчин, женщин, стариков, детей во рвах, траншеях, расстрельных ямах.

Страшные фотографии палача-изувера сохранились в фондах мемориального комплекса Яд ва-Шем и музея Лохамей ХаГетаот.

На одном из фотодокументов тех кровавых дней мы видим последний комитет еврейской общины Бельц за час до расстрела.

Перед эсэсовской командой стоят: Шумер (Итамар) Цитерман, Иосиф Бройтман, Бернард Вальтер, Саша Диагот, Айзик Шехтман, Шмерл Шойхет, Бурэх Бланк, Сухер

(Иссасхар) Ройтман, Шимон Гринберг, Авраам Крипс, Лейбиш Головатый, Яков Тененбойм.

Нельзя без волнения смотреть на этих людей. С каким достоинством стоят они перед своими палачами в предсмертный час! Недалеко от эсэсовских молодчиков находятся родственники членов еврейского комитета, которые с ужасом наблюдают за этой сценой, прощаясь с родными.

Закономерен вопрос: каким образом стали известны подробности событий того июльского дня? Об этом рассказал Бернارد Вальтер. Я уже упоминал его как видного общественного деятеля города Бельцы. К сказанному следует добавить, что Вальтер в довоенных Бельцах был владельцем театра "Скала" и кинотеатра "Люкс". В последнюю минуту перед расстрелом он был спасён румынским офицером и остался жив.

В фондах Чрезвычайной государственной комиссии СССР имеется акт о совершённых немецко-румынскими оккупантами злодеяниях в городе Бельцы. Там говорится о расстреле двадцати пяти человек возле мельницы Иоффе, сожжении трёхсот женщин и детей в синагоге на улице Кишинёвской, расстреле двенадцати человек во дворе завода Переца, убийстве шести человек начальником румынской "сигуранцы" в подвале дома Иоффе на улице Ленинградской, расстреле трёхсот евреев в румынской жандармерии Слободзеи (здании, где до войны находился крестьянский Банк). Во дворе той же жандармерии были расстреляны позже ещё сто человек... Для нас представляет также интерес оценка действий "сигуранцы", жандармов, солдат румынской армии германской службой безопасности.

Из сообщения в Берлин начальника полиции безопасности СД 17-го июля 1941 года: "Совершенно секретно. Оперативный рапорт номер 25. Айнзацкоманда 10А задерживается в Бельцах. Разрушения оказались более серьезными, чем предполагалось ранее. Румынские солдаты, преднамеренно и непреднамеренно, устроили несколько пожаров. Возвратилась часть населения города, в котором перед его взятием было около 60 тысяч жителей, из них – 32 тысячи евреев.

В последние дни снова имели место серьёзные эксцессы румынских солдат против евреев... Вечером 10-го июля румынские военные власти согнали вместе около четырёхсот евреев различного возраста обоего пола, чтобы расстрелять их... У румын нет никакой системы обращения с евреями. Не может быть возражений против многочисленных казней евреев, если сами казни организованы надлежащим образом. Однако румыны обычно оставляют тела на месте расстрела и не закапывают их.

За нарушение приказа полиции безопасности и за нападения на немецких военнослужащих в ходе карательной операции были уничтожены члены "Юденрата", а также другие евреи, всего 45 человек."

Рапорт подписан штурмбанфюрером Зеетценом.

29-го июля из Бельц было послано в Берлин новое донесение, в котором обращалось внимание на то, что румыны продолжают массовые убийства евреев: "Румынская полиция в Бельцах и окрестностях действует беспощадно против еврейского населения. Количество уничтоженных не может быть даже точно подсчитано..."

Документы, хранящиеся в архиве музея "Яд ва-Шем" говорят о том, кто был хозяином в осуществлении планов "окончательного решения еврейского вопроса" в Бессарабии.

Руководители айнзацгруппы "Д" Отто Олендорф и зондеркоманды 10А Зеетцен возлагают вину на румынские власти даже за бельцкие пожары в июле 1941 года.

Совсем другое утверждают представители румынского режима тех лет. На процессе военных преступников в 1946 году в Бухаресте Ион Антонеску в своих показаниях говорил, что евреи из региона Бельц были интернированы немцами в лагерь недалеко от города, в лесу. Бельцы были полностью сожжены. Пожары спровоцированы евреями: румыны были сильно настроены против них в связи с ролью, которую евреи сыграли во время советской оккупации. По немецкому плану шла подготовка к румынскому варианту "Святого Варфоломея".

"В связи с этим, – продолжал Антонеску, – я решил выслать евреев из зоны движения к фронту резервов и колонн германских войск – в Северную Транснистрию".

Из слов Антонеску следует, что поголовная депортация евреев Бельц и вообще всей Бессарабии в лагеря уничтожения и гетто Транснистрии было актом их спасения, а роль спасителя принадлежала ему, Иону Антонеску.

Но вот что говорил тот же Антонеску 17 июля 1941 года, выступая на совещании руководителей местной администрации, которое проводилось в Бельцах: "...ни одного еврея не оставить в сёлах и городах, всех интернировать в лагеря..." .

После описанных погромов, расстрелов, массовых сожжений бельцких евреев те, кто уцелел, были интернированы в лагерь села Рэуцэл, расположенный в нескольких километрах от Бельц.

По состоянию на 31 августа там находились 706 мужчин, 1469 женщин и 1160 детей. Всего 3235 евреев. Режим в лагере был жестоким и бесчеловечным. 28 сентября 1941 года оставшиеся в живых бельчане были угнаны из Рэуцэл в Маркулешты, а затем депортированы в Транснистрию.

О том значении, которое придавало правительство Румынии полному уничтожению евреев Бельц, говорит и такой факт: на все заседания совета министров Румынии, где обсуждалось положение в Бессарабии, приглашался примар Бельц того времени, Т. Арделяну.

Если даже ориентироваться на статистику Антонеску, то можно себе представить масштабы Катастрофы бессарабского еврейства в Транснистрии. Из почти 80000 депортированных евреев Бессарабии, через Днестр были перевезены 56000 человек. Независимые источники указывают на то, что уже к началу мая 1942 года в живых осталось только около 12000-и тысяч человек.

Нашей семье (отцу Давиду, маме Чарне и мне) судьба уготовила испытать все ужасы лагерей и гетто. В конце июня 1941 года мы бежали из Бельц. После месяца скитаний под непрерывными бомбёжками оказались в городе Кодыма Одесской области.

В конце июля туда ворвались части 11-ой германской армии. Командир 30-го армейского корпуса генерал Заль-

мут в начале августа отдал приказ уничтожить всех евреев Кодымы. Аксию осуществили подразделения службы безопасности зондеркоманды СС 10А, а также 300 солдат и офицеров вермахта.

Нам чудом удалось уцелеть. Бежав из Кодымы, мы попали в Ольгополь, а затем в Чечельник – место концентрации, массовой гибели евреев Бессарабии и Буковины. В конце августа – начале сентября 1941 года нас перегнали в гетто города Крыжополя, а 2-го декабря того же года в составе большой колонны узников мы были отправлены в концлагерь села Цыбулёвка. Этот лагерь входил в Ободовскую зону массового уничтожения евреев.

Зима 1941-1942 годов была суровой. В коровник, рассчитанный на несколько десятков голов скота, фашисты загнали около двух тысяч человек. Колючая проволока, охрана из жандармов и полицейских, никакой еды, повальный сыпной тиф... Это был настоящий ад!

Отец организовал побег из лагеря, и нас спрятала семья украинского крестьянина Тудосия Литовчука. Хозяин, его жена, трое детей относились к нам с исключительной добротой и душевностью. Мы находились в погребе под скотным сараем.

В ночь на 18-е декабря хозяева взяли маму и меня к себе в хату. Шла подготовка к празднику Святого Николая, Они решили нас обогреть, угостить. Неожиданно началась облава. Когда жандармы и полицаи начали стучать в дверь, Ольга Литовчук спрятала меня на русской печи рядом со своими детьми. Мама же стала у широкой двери, которая её прикрывала. Ворвавшись в дом, фашисты начали бить

Ольгу Литовчук, требовали указать, где она спрятала евреев. Но женщина нас не выдала.

После этого мы бежали в местечко Жабокрич Крыжопольского района Винницкой области. Как стало известно позднее, в этом гетто были расстреляны более 500 человек. С 19 декабря 1941 года по 15 марта 1944-го мы находились в гетто Жабокрич. 28 января 1942 года от тифа скончался отец. Мы с мамой также переболели сыпняком, но выжили. Мама умела шить, научила меня ремеслу. Это нас и спасло.

Одним из чудес, позволившим евреям выжить в лагерях и гетто Транснистрии, было разрешение работать. Сохранялись гетто, колючая проволока, продолжались расстрелы, погромы, издевательства. Но и в этих условиях, под ежедневным страхом смерти, евреи шили и ремонтировали одежду, обувь, головные уборы, изготавливали бочки, мыло...

А какие мастера работали в Жабокриче! В тех невероятных условиях, при полном отсутствии сырья, мастеровые люди умудрялись производить превосходные товары.

По сей день помню прекрасного скорняка Шмулевича, делавшего отличные дублёнки; резника, отца двух красавиц дочерей, Геллера, который стал мыловаром; мельника Шварца, человека феноменальной силы. Еврейские головы и "золотые руки" умельцев делали всё возможное и невозможное для спасения своих семей от смерти.

Но самым главным, на мой взгляд, была забота о духовном воспитании детей, молодёжи. Раввин из Липкан (к сожалению, я не знаю его фамилии) стал обучать нас, маль-

чиков, достигших 13-ти лет, молитвам, чтобы мы могли говорить "кадиш" в память о погибших родителях.

Самые тёплые воспоминания сохранились у меня о семье Янкеля Готта из города Рэдэуц, что в южной Буковине. Две его дочери стали готовить нас, малышей, к школе. Особенно им удавалось преподавание французского и немецкого языков, которыми они владели в совершенстве. Знания, полученные мною по французскому языку на уроках двух подвижниц, послужили в дальнейшем основой для изучения этого языка в средней школе, университете и сдачи экзаменана кандидатский минимум.

Великая заслуга этих и многих других подвижников заключалась в том, что они предотвратили деморализацию узников гетто в самый трудный период жизни, пробуждали веру в то, что поражение нацистов неминуемо. Это было, на мой взгляд, самым великим делом. Мне приходилось видеть, как люди, потерявшие вкус к жизни в тех экстремальных условиях, погибали...

С сентября 1943 по март 1944 года меня трижды брали на работу к немцам. В таких случаях надежда на возвращение в гетто была минимальной. Первый раз в декабре 1943 года нас вернули в Жабокрич по настоянию румынских властей. Второй раз меня взяли на строительство укреплений в самом Жабокриче в январе-феврале 1944 года. Через местечко проходила стратегическая дорога из Умани на Ямполь – Сороки – Бельцы – Яссы. Работали мы в подразделении инженерных войск вермахта.

В один из дней февраля 1944 года немцы среди бела дня без предварительной подготовки вдруг сели в машины

и, оставив часть техники, покинули Жабокрич. Мы с изумлением наблюдали за их поспешным отъездом. К вечеру жандармы привели нас обратно в гетто. 13 марта в третий раз меня взяли на работу. Пришлось вытаскивать из грязи три немецких грузовика. Пока мы, евреи, занимались этим делом, на горе соседнего села появились несколько телег с немцами. Они что-то сказали офицеру, и вся группа немцев, бросив грузовики, поспешно удалилась. То были последние гитлеровцы, которых мне пришлось видеть.

15 марта 1944 года Жабокрич был освобождён частями Красной Армии...

Абрам Самойлов

МЕСТЕЧКО ЮНОСТИ МОЕЙ

Местечка, о котором пойдёт речь, уже давно нет. Долгие годы евреи строили и благоустраивали родное местечко, а немцы превратили его в прах.

На этом месте за 40 лет после окончания войны возник современный многоэтажный город, сохранивший название исчезнувшего местечка Бельцы.

Вспоминая родное местечко, атмосферу, в которой я вырос, я вижу все так ярко, так детально, как будто это было вчера, а ведь прошло уже столько лет...

Сегодня почти не найти следов, свидетельствующих о том, что в недалёком прошлом здесь находилось старое местечко с покосившимися, плотно прижатыми друг к другу домами. Пыльное, болотистое, но всеми любимое место на Земле, о котором поёт душевная мелодия на простые, добрые слова: «Майн штэйтеле Бэлц». Где бы евреи ни жили, знающие и не знающие идиш, они с особым удовольствием поют эту песню.

Наш район, от собора св. Николая до моста через реку Реут, состоял из двух параллельных улиц (в советское время – Ленина и Ленинградской) с прилегающими к ним закоулками. Это был самый старый участок городка.

На этом промежутке улиц красовались только два каменных здания. На правой стороне – двухэтажный дом с балконом, в котором находился магазин косметических товаров Визмана и на другой стороне улицы – дом с полуподвальным помещением, где находилась мастерская хозяйина, занимающегося выпечкой сладких пушистых булочек и горячих бубликов.

Рано утром и вечером над городком витал приятный аромат свежей выпечки и возгласы продавцов: «Горячие бублики!».

Память об этих временах у меня всегда ассоциируется со спокойным, зимним утром и домами, накрытыми снежным ковром.

Из-за скученности строений в нашем районе квартиры были мало освещены, что вынудило ряд жильцов сделать окна в потолке.

Все торговые точки находились на правой стороне улицы, где в каждом доме парадная комната служила лавкой.

Тут работали три пекарни – Либеры Портного, Шама Газа и Шломо Лиса, небольшой пивоваренный завод Дордика и цех по производству газированной воды Ицика Тепера.

На противоположной стороне улицы большинство жителей были мастерами и у всех имелись прозвища. Все работы они делали прямо на улице, перед их домами, на самодельных станках и нехитрым инструментом.

Мойше бондарь вручную из дубовых брусков мастерил бочки. Бурих Ротарь в таких же условиях изготавливал колеса. А Мойше Коваль клепал лошадям новые подковы.

Пинхас Черкес, всеми уважаемый житель нашего района, торговал горюче-смазочными материалами, в основном керосином и дегтем для смазки кожи. Мендель Котел торговал кипятком, в основном, по субботам, когда евреям запрещено было зажигать огонь.

На перекрестке с переулком находился мучной базар. В доме на углу Мотл Кырлан торговал вином на розлив, и в корчме всегда стоял противный запах винного перегара и чеснока.

Отсюда переулок уходил до Сенной площади у Кишиневского моста, где в шатрах жили цыгане.

От корчмы до цыган проезжая часть была не мощёная, всегда грязная. В летнее время здесь торговали вареными початками кукурузы и бахчевыми. Огрызки кукурузы и кожуру бахчевых бросали куда попало, и в них рылись бродячие свиньи цыган.

На левой стороне улицы Ленинградской, за углом, находилась еврейская баня и миква, а дальше, вплоть до еврейского кладбища, паслись коровы, козы и овцы местечковых хозяйств.

Дойная корова или коза были обязательным атрибутом каждого хозяйства нашего района, потому что молочные продукты можно было приобрести только на рынке и только в базарные дни.

Помню, как утром провожали коров на пастбище, а вечером они возвращались домой гуртом, вваливались на

улицы, затрудняя на какое-то время движение транспорта. Одних кормилиц с ценным грузом хозяева встречали, другие сами головой распахивали ворота и заходили не в стойло, а становились там, где их обычно доили.

В ожидании отёла мои родители внимательно следили за поведением Маши (так звали нашу корову). В стойле убрано и Маша, чистая, на свежей подстилке, глядит на своих хозяев. Мама говорила, что у Маши взгляд человеческий, она чувствует нашу заботу и благодарна за неё.

Последние ночи мама спала мало, с фонарём ходила в стойло навещать Машу. Когда возвращалась, папа спрашивал: «Ну что?». «Пока ничего» – отвечала она и ложилась отдохнуть.

Папа всегда вставал рано. В тот день, проснувшись, он вышел во двор и, зайдя в стойло, увидел Машу, облизывавшую только что появившегося на свет теленка. В этот день в нашем доме был праздник.

Помню, когда мне исполнилось 7 лет, мама одела на меня талес и с соседским мальчиком Нуней отправила в хедер. Меня встретил ребе Идл, хозяин хедера. Это был старый человек с плохим зрением, в овальных очках с толстыми линзами. Он спросил, как меня зовут и, показав на ребе Лейзера, своего помощника, сказал: «Он будет с тобой заниматься».

Сын ребе Лейзера – Элкана Маргулис сегодня является профессором истории в Иерусалимском Университете.

Я неохотно ходил в хедер из-за страха перед хулиганом, терроризировавшего всех учеников. Звали его Пейся, и был он самым рослым, а я – самым маленьким. Он меня не оби-

жал, но я его боялся. Вечно от него пахло чесноком. Этим противным запахом он отравлял воздух в небольших помещениях хедера. Прочился я у ребе Лейзера два сезона (по 6 месяцев), после чего перешел в частную школу на идиш, где преподавали не только чтение, но и письмо. Через год я поступил в государственную начальную четырёхгодичную школу, где директором был Треля.

В школе я подружился с Мойше Левиным – парнем из бедной семьи портного. После окончания школы он не продолжил учёбу, а начал работать, чтобы помогать семье, находившейся в тяжёлом материальном положении. Он поступил учеником в типографию Григорьева. Освоив специальность наборщика, он в 1935 году уехал в Бухарест и поступил работать в типографию газеты «Адеверул-Диминяца». (Утренняя правда)

Вскоре его заметки стали появляться в еженедельнике об освободительной борьбе народов Африки. Позже он стал активно участвовать в работе еженедельника «Кувынтул Либер» (Свободное слово), главным редактором которого был Тудор - Теодореску Брониште.

Мне запомнились некоторые заголовки его очерков: «Герой Таненберга» – о Гинденбурге, «Последний разочарованный» – об Андре Жиде. Очерки о работе конгресса профсоюзов, проходившего в то время в Лондоне, на котором Левин присутствовал в качестве корреспондента.

В период второй мировой войны Мойше Левин находился в трудовом лагере в Трансильвании. После выхода румын из войны он возвращается в Бухарест и включается в политическую жизнь новой Румынии.

В 1948 году, когда образовалось еврейское государство, Мойше Левин находился в Италии в качестве посла Румынского правительства, возглавляемого Петру Гроза.

Мойше Левин понял, что с возникновением еврейского государства началась новая эра в истории еврейского народа, и осуществил свою сокровенную мечту – жить в своем государстве. Он без промедления оставил престижную должность посла и перебрался из Италии в Израиль.

В Израиле он сразу взялся за любимое дело – журналистику. Организовал и начал печатать еженедельник «Вяца ностра» (Наша жизнь) на румынском языке.

Талантливый журналист-самоучка, остроумный, владеющий в совершенстве румынским языком, он умер в 1967 году после тяжелой болезни в Тель-Авиве, а созданная им газета продолжает печататься.

В гимназии им. «Ион Крянга», куда я поступил после начальной школы, директором был некто Валуца. Мужчина лет за пятьдесят, приятной наружности, ростом выше среднего, с бородкой лопаткой, поросшей сединой. А его помощником работал преподаватель румынского языка и литературы, молодой человек, член фашистской националистической партии кузистов Петру Стати. Помню, в 1937 году, когда партия кузистов в союзе с националистом Октавианом Гога пришли к власти, бельцкие кузисты, под водительством своего местного главаря Новицкого, прошли триумфальным маршем по главной улице Бельц.

Мне запомнились два гимназиста: Леонид Ойгенштейн (Леонте Рэуту) и Бенцион Тумаркин (мой ровесник). Пер-

вый впоследствии стал юристом и коммунистом, был членом центрального комитета компартии Румынии. Он ушёл из политической жизни, после того, как Старший Брат (СССР) обвинил его в космополитизме.

Бенцион, маленький, невзрачный человек из бедной семьи (отец занимался ремонтом калош). Он преуспевал среди учащихся нашего класса, сидел за партой в первом ряду, чтобы быть на виду у преподавателей, уважением которых пользовался всегда. Материальное положение семьи вынудило молодого человека подзарабатывать частными уроками.

В 1932 году органы Румынской Сигуранцы арестовали Бенциона, как руководителя подпольной молодежной коммунистической организации «Красный школьник». Отец одной из его учениц, состоятельный предприниматель Либер Портной, выкупил будущего зятя у Сигуранцы, сосватал их втихаря и контрабандным путем переправил в Советский Союз.

Там, за Днестром, Бенцион сумел доказать братьям по оружию, кто он такой. В царстве, провозгласившем братство народов и воспевавшем: «кто был никем, тот станет всем», руководителя «Красного школьника» почему-то не репрессировали, он продолжал учиться и стал врачом. Остальных перебежчиков засылали без суда в дальние лагеря Коми АССР, на сажевые заводы сроком на 10 лет, по статье «ПШ» (подозрение в шпионаже).

После моего ухода из хедера я долгое время страшилу Пейсю не встречал, а увидел его уже совсем взрослым

мужчиной. Высокий, широкоплечий, с тяжелой походкой и суровым одноглазым лицом, он прозывался теперь Пейся Лобер. Всегда свежевыбритый и скромно одетый, он не пьянствовал, не хулиганил и не работал. Никого не обижал, хотел только, чтобы его боялись. В 1940 году он исчез, потому что в социалистическом государстве работать обязаны были все.

В том же 1940 году исчез другой, тоже всем известный молодой человек, звали которого Ицикл, младший сын банщицы в микве.

У старушки было два сына: Голд и Ицик. Старший был глухой, но трудолюбивый, а младший – выродок и бандит. Работать он не хотел, воровал, его арестовывали – он отсиживал срок и снова попадался, хулиганил бесстрашно, отчаянно лез в драку с явно превосходящими его по силе. Ничто его не пугало, жизнью он не дорожил, был весь изрезан в драках, с глубоким шрамом на левой щеке.

Ицик был среднего роста, плотного телосложения, всегда свежевыбрит, волосы подстрижены под машинку. Изпод кепки, натянутой низко на лоб, глядели светлые колючие глаза хищника. Ходил он всегда один большими шагами и блатной походкой, и вечно торопился. Переставляя ноги, он одновременно дергал плечами.

Говорили, что в кражах он лично не участвовал, зато мог посоветовать потерпевшим, как найти украденные вещи. Люди не обращались в полицию, пока не узнавали мнение Ицика. Если он признавал, что с делом знаком, вопрос решался мирно. Он был сговорчив и доброжелателен, договорится с ним было легко.

Вспоминается случай на ярмарке: Ицику приглянулась серая каракулевая шапка на голове деревенского мужика. Он схватил кучму и напялил человеку на голову свою кепку. Хозяин улыбнулся, считая это шуткой, но убедившись, что Ицик и не думал шутить, полез в драку. Тут же вмешались, находившиеся поблизости два полицейских. Они знали Ицика и стали его просить отдать шапку по-хорошему. Но хулиган не унимался. Они хватали его за руки, умоляя: «Ицик, не бей...».

Вором по призванию и мастером своего дела был и карманщик Дудл Вайнштейн, младший сын портного из села Кожба на севере Молдовы. Старший брат, рожденный инвалидом, стал писателем-идишистом под псевдонимом Цви Кажбер.

Дудл был интересный мужчина – стройный, аккуратно одетый, всегда в шляпе. Всегда один, он не бродяжничал и алкоголем не увлекался. Когда он появлялся на ярмарке, люди шарахались от него в стороны, особенно деревенские – основная его добыча. Полицейские его знали, он их не остерегался, а они не мешали ему работать. Если попадался, то не оказывал ни малейшего сопротивления блюстителем порядка и покорялся закону. Попадал в заключение ненадолго и, освободившись, продолжал заниматься своим хобби.

В 1940 году на ярмарке стало спокойнее – Дудл исчез. Его признали социально-неблагонадежным элементом.

В начале 30-х годов прошлого столетия в нашем маленьком городке произошел вопиющий криминальный

случай – убили начальника уголовного розыска Бельцкой полиции, капитана Споялова. А получилось это так. У нас появился «гастролёр» – бандит высшей категории, который наводил страх на жителей городка.

Все силы полиции были брошены на поиски бандита. Наконец, разведка установила, что злодей скрывается по улице Кишиневской. Отряд полицейских под командованием лично капитана Споялова оцепил район и начал прочесывать каждый дом от улицы Ленина вниз к Кишиневскому мосту.

Убедившись, что бандит находится в корчме, из которой он всех выгнал, Споялов подошел близко к двери и призвал его сдаться. В противном случае начнётся штурм дома. В это время изнутри раздался выстрел и комиссар упал. По дороге в больницу он скончался.

СНЕГ КОРИЧНЕВОГО ЦВЕТА.

Случилось это зимой. Всю ночь природа стелила удивительный ковёр из обильно падающих крупных снежинок. К утру снегопад прекратился, стояла тишина. Легко дышалось кристально чистым воздухом, и ослепляла белизна под голубым куполом неба.

Вдруг на город стала опускаться туча коричневого цвета, яркое солнце помутнело, и видимость на улице ухудшилась. Постепенно снежный покров покрылся слоем коричневой пыли. Люди не понимали в чем дело. Начались волнения. Как всегда в кризисных ситуациях, соседи пришли за советом к уважаемому и самому толковому жителю нашей улицы Пинхасу Черкесу. Помню, Пинхас высокий, худощавый, с редкой бородкой и шляпой на голове, окруженный перепуганными людьми, ожидавшими от него ответа на вопрос: «Что это значит?».

Пинхас задумчиво глядел вверх на небо, но неба было невидно.

Наконец, он промолвил: «Всевышний нам о чем-то говорит, но подождём до утра».

Во второй половине дня на улице посветлело, воздух стал прозрачнее, лучи солнца прорезали кирпичный занавес, и показалось голубое небо. В природе все нормализовалось, только снег стал другого цвета.

Газета сообщила, что занесенная в наши края пыль кирпичного цвета вулканического происхождения и что опасности для жизни она не представляет. Люди успокоились

ЛУНА

В те же годы случилось второе происшествие. Тихий летний вечер, на улице еще слышны были голоса играющих ребят. Вдруг кто-то заметил, что луна уменьшилась. Тут же взоры всех заботливо устремились ввысь. Убедившись, что светящее небесное тело действительно сокращается, люди зашумели. Соседи в тревоге обступили Пинхаса, и посыпались вопросы: «Что же будет, если луна погаснет?». Пинхас глянул на луну и шепнул: «На сам деле, она стала меньше». Он хотел сказать людям что-то утешительное, ведь они волнуются, но не смел, потому что сам не понимал, что происходит.

Была уже поздняя ночь, но люди не расходились, ждали, что же скажет Пинхас. Наконец, он начал: «Дорогие мои, Бог нам о чем-то говорит, но подождем до утра».

Кто-то из шутников продолжил: «Если луна перестанет светить, будем пока пользоваться керосиновыми лампами».

Наконец, все присутствующие, уставившиеся в небо, заметили, что луна выходит из укрытия и снова светит людям. Вскоре тени вернулись на землю, и люди, успокоившись, разошлись.

Рано утром 22 июня 1941 года от взрывов мощных бомб, сброшенных на стройплощадку аэродрома в селе Сынгурияны, содрогнулась Земля. Началась война, предвещавшая начало конца родного местечка.

Лазарь Любарский

МОЙ ШТЭТЭЛЭ БЭЛЦ

Наверное, каждый из тех, кто возвращается с Шолом-Алейхемоской ярмарки, прокручивает для себя свой "Хешбон нефеш" (подведение итогов), моделирует по-новому зигзаги и повороты своей жизни, распрямляя и выравнивая в ней некоторые углы, или конструируя иначе её маршруты.

Я родился в Бельцах 9-го мая 1926 года, то есть ровно за 19 лет до победного дня Второй Мировой Войны.

А забрёл сюда какой-то далёкий мой предок (уж в каком поколении не знаю), унесший ноги из местечка "Любар" на Волынщине, за что и нарекли его фамилией Любарский.

Не без ответственности могу заявить: без Бельцкой "духовности", которую впитал с молоком матери, без "Штетла" как многовекового образа жизни, не было бы той личности, которая сформировалась во мне и стала мной.

Итак, я родился в Бельцах на улице "Примарул Анджулович", которую в советское время называли "Кишинев-

ской". Это была типично еврейская улица, как, впрочем, и большая часть города – с идишскими шумом, ажиотажем, манерами, одеждой... Тыльная часть нашего двора выходила на "Майдан", огромный пустырь, который каждый вторник заполнялся базарной пестротой и сутолокой со всей округи. В другие дни летом мальчуганы гоняли здесь футбол, зачастую пользуясь по бедности маленьким игрушечным мячом, а воротами служили пара камней или рубашки игроков.

Иногда навевывалась знаменитая на всю Бессарабию футбольная команда "Маккаби", где блистали виртуозы мяча братья Шалом и Моня Глейзеры. Они приносили разборные ворота и сетки, и мы, мальчишки, смотрели на их тренировки с неподдельным обожанием.

Основная еврейская масса состояла из бедных ремесленников. Меховщики шапочники, сапожники, шорники, кузнецы, жестянщики, каменщики, плотники, печники, бондари и много других. Я, например, любил иногда подолгу простаивать и наблюдать за тем, как подковывают лошадей, или как мастера повозки или выделывают жестяные изделия. Я любовался мастерством ремесленников и... опаздывал в школу.

Беднее всех были люди, которые не имели специальности, готовые за гроши выполнять любую работу, какой бы тяжелой и непривлекательной она ни была: всякие там грузчики, распиловщики дров, водовозы, разносчики.

Зрительная память хранит много образов таких людей, молчаливых или шумливых, острословов и сквернословов, ругателей и поносителей. Я помню их натру-

женные морщинистые руки с огромными грязными кулачищами...

У большинства из них были прозвища, порой звучные, порой не очень, в соответствии с личностью или характером, издаваемыми запахами, сварливостью, привычками, внешностью. Например – водовоз Лейб "Тухэс" (задница), Гедали "дёр Тойбер" (глухой) . Имелись и известные на весь город "выдающиеся личности": "Сонька Пук" и "Алекса-небун" (сумасшедший), которые шатались по улицам, что-то бормоча, что-то напевая, задевая прохожих, преследуемые улюлюканьем мальчишек.

Вспоминается цыган, скрипач-виртуоз, в совершенстве говоривший на идиш , одетый с иголки, с блестящими набриолиненными волосами, в зеркально начищенных сапогах. Летними вечерами по субботам он шёл от дома к дому и исполнял весёлые клейзмерские мотивы. Маршрут его передвижения был: Кишинёвский мост – Собор. Звали его: "Цыганский барон".

По узкому переулку, который был напротив нашего дома, каждый день утиным строем проводили мальчишек из бедных семей в хедеры на Кожухарскую улицу, а иногда и на традиционные благотворительные обряды угощения при обрезаниях новорожденных. Какой радостью светились тогда лица ребятишек, возвращавшихся с кулёчками сладостей и лейкэлэх!

Или вот другая картинка. Шмил, толкающий тачку с овощами и фруктами, распевая сатирические куплеты собственного сочинения: "Яблоки и груши, у Хайкалэ (реальная сварливая особа) голова, да усунится». (Идиш-

ский оригинал: "эпл ун барн, ба Хайкалэн зол дер коп упдарн").

Напротив нас жила "бой-баба", кило этак на 150, по имени Фейгалэ (птичка). Её языка боялась вся улица. Муж этой дамы по ночам занимался отхожим промыслом: две клячи, бочка на колесах и выгребное ведро на длинной палке – все орудия его промысла. Под утро он с грохотом возвращался домой, оставляя вокруг себя на несколько часов невыносимые запахи и зримые следы своей деятельности.

Рядом с Фейгалэ, в маленьком деревянном домике, проживала пожилая пара. Они продавали по дешёвке на розлив спирт. Пьяницы брали спирт в долг. С ними жила внучка, моя одноклассница и подруга.

Зимней ночью 1938 года грабители убили стариков, а девочке чудом удалось спастись, притаившись под одеялом. На рассвете её душераздирающий крик разбудил улицу. Часа через два конные сани увозили два трупа, накрытые окровавленными простынями.

А в самый полдень того же дня, со стороны Кишиневского моста по направлению к центру прошагали сотни сторонников господина Куза (предводителя румынских фашистов) и его заместника в Бельцах – Новицкого. Этот фашистский марш невидимо увязал в одну нить ночное кровавое убийство с надвигающейся трагедией, которая наступила через несколько лет.

Часть майдана каждое лето становилась ареной передвижных аттракционов, мотоциклетных гонок по вертикальной стене, всяческих качелей и цирков Шапито. Большим успехом пользовались выступления борцов-тя-

желовесов и силачей. Мой отец, который сам с легкостью поднимал и играл двухпудовыми гирями, был большим любителем таких представлений и неизменно брал меня с собой.

Так я впервые увидел чемпионов мира Ивана Заикина и Ивана Поддубного. В парадных шествиях они обычно выходили на манеж-ковер при всех своих регалиях. Заключительные схватки они оба почти всегда снисходительно заканчивали вничью, так как соперниками были местные "силачи". Здесь же я увидел дебют бельчанина Пети Горбача, который после войны стал чемпионом Молдавии и участником Всесоюзных чемпионатов по борьбе.

Другими летними "гостями" на Майдане были цыгане. С шумом и гамом раскидывали они шатры позади нашего дома. Раздутые меха, изрыгающие огненные искры в небо, и звон наковален оповещали весь город, что открылось производство кованных изделий, что за монету вам споют и спляшут, и, если "позолотить ручку", вы узнаете то, что обязательно сбудется, и что... вообще "держи ухо востро, а дверь закрытой"...

Спустя какое-то время они столь же неожиданно исчезали, и, наверное, по какому-то цыганскому соглашению, на этом же самом месте появлялся новый табор.

Предводитель одного из таких таборов был дружен с моим отцом. Едва успев появиться, Димитер, так звали цыгана, стучал в наши ворота и кричал:

— Мошку-брат! Выйди к Димитеру-брату!

Огромный, с головой как у Карла Маркса, раскрывал он свои объятия, и они по-борцовски крепко обнимались.

Затем долго калякали "за жизнь", а я, замороженный живописным двойником Робинзона Крузо, слушал его сочные рассказы о цыганских странствиях.

Увидел я его еще один раз после войны, в 1947 году. Цыганской почтой узнав о том, что и отец выжил, он примчался издалека, чтобы повидаться. Постаревший, поникший, чудом спасшийся от цыганского истребления, со слезами на глазах говорил он о трагедии его соплеменников, подобной нашей...

Несмотря на ограничения в правах, на бытовой антисемитизм, на нарастающее влияние фашизма в 30-х годах, в еврейской среде сохранялись свои устои, традиции, культура, религия. Была своя система образования: хедеры, школа, гимназия, профессиональная подготовка. Имелись молодежные организации: "Хашомер Хацаир", "Гордония", "Маккаби" и другие. Проводилась трудовая подготовка к репатриации в Страну Израиля, а именно, обучение молодежи сельскохозяйственному труду на сельхозферме "Ма-сада" за городом, которую детвора навещала в праздник Лаг Ба Омер. Ну и, наконец, с десятков синагог, в том числе сословных.

Вот некоторые фамилии весьма авторитетных и почитаемых бельчан: Липсон, Брестечко, Шенкер, Розентулер, Гурфель, Красюк, Йоффе, Глейзер, Паверман и многие другие.

В воспоминаниях моего раннего детства много картин тяжелого труда, материальной нужды большинства окружающего населения. Вместе с этим, моя семья была среднего достатка, и я учился в еврейской гимназии, которая

относилась к просветительно-культурной организации "Тарбут", и где плата за обучение была довольно высокой.

Гимназия была создана и открыта в 1917 году, по типу знаменитой гимназии "Герцлия" в Яфо. Целью обучающей системы являлось возрождение языка иврит. Но кроме иврита и Танаха, многие предметы светского образования также преподавались на древнееврейском языке, как тогда называли иврит. Бельцкая гимназия имела государственный статус, выпускники имели право продолжать последующее образование в университете. Восемь лет моего обучения прошли в этом заведении, знаменитом на всю Бессарабию и далеко за её пределами.

Назову имена учителей, которые оставили неизгладимый след в памяти. Они были не только просветителями, но и воспитателями. Глейбман – вел математику, Хершку Давид и Гафтер – преподавали физику, Бикель, Кармелин, Якобсон – лингвисты, Килимник, Лангерман, Бурд – обучали ивриту, Ткаченко – музыке, Грузман – географии, Кац – директор школы...

Особо отмечу учителя рисования Лазаря Дубиновского, получившего после войны признание как выдающегося скульптора. Исполненный Дубиновским занавес для актового зала гимназии на библейскую тему "О всеобщем благоденствии" остался в моей памяти на всю жизнь. Картина как бы воплощала для всех пророчество еврейского народа миру.

Приведу её тематическую основу, стих шестой, глава одиннадцатая Пророка Исаяи: "И волк будет жить рядом с агнцем, и Леопард будет лежать рядом с Козленком; и

Телец и молодой Лев, и Вол будут вместе, и Маленький Мальчик будет водить их".

Много лет спустя попался мне газетный снимок "Картины будущего" художника В. Штрута, и я узнал в ней занавес Дубиновского, но с разницей... У Дубиновского исполнение было в масле, красочно, в выразительной манере, и производило глубокое впечатление – не сравнить с плоским черно-белым снимком с картины Штрута. Тем не менее, этот снимок я храню как дорогое напоминание о своих школьных годах.

В 15 лет, в первый день войны, я впервые покинул родной город. До этого я ни разу не бывал вне его пределов. Бельцы были моим "миром и мирозданием". И это у меня осталось на всю жизнь. И сегодня, где бы я ни оказался, я "явственно" шагаю по родным Бельцам...

Бегство из горящего города, от разбоя преследующих нас "доброжелателей", долгий путь на восток, проезд со множеством пересадок товарняками – и, наконец, мы в Казахстане, в 500-х километрах от Алма-Аты, в колхозе.

Ранее все мои агрикультурные представления преломлялись на ферме "Масада" вблизи Бельц, где проходили подготовку халуцим – пионеры – перед выездом в Палестину. И то, на что я в "Масаде" смотрел с любовью: лошади, плуг, уголья, песни вечерами у костра... воплотилось в реальную жизнь, в которой я почувствовал себя "халуцом"! Ведь всего за год до этого я по-детски, романтически мечтал о киббуце...! Тогда у меня не было сомнений, что лишь время отделяет меня от этого.

Два года я был киббуцником в колхозе, а по достижении 17 лет в 1943 году стал курсантом Фрунзенского авиаучилища радиоспециалистов. И здесь, впервые одев военную "робу", я как бы вступил в то "ополчение", которое молодые еврейские бельчане организовали при отступлении румын из Бессарабии (июнь 1940 г.) для самообороны от кузистов и мародёров.

Безуспешно просил я тогда (14-ний мальчик) активиста ополчения, нашего соседа, здорового 20-летнего парня Мики Бурштейна взять меня к себе, когда он доверительно-гордо демонстрировал мне пистолет под пиджаком! Когда я приехал в Бельцы в 1947 году в свой первый армейский отпуск, я узнал, что следы всей семьи Мики пропали бесследно...

Полугодовые курсы штурмана-радиста, и я в лётном составе 3-го Виленского авиаполка 10-й гвардейской авиадивизии. Прифронтовые аэродромы. На самолётах Ли-2, а затем С-47, мы совершали непрерывные полёты: вывозили раненых, высокопоставленных пленных с их штабной документацией, подвозили личный состав и амуницию. Иногда садилась на только что отбитые "полосы", вокруг которых ещё дымилась война...

Кончилась война. У меня – 8 классов Бельцкой гимназии...Случайноевоенноеприобщениекпрестижному "радио" направило меня на продолжение этого пути. Получив аттестат зрелости в школе рабочей молодёжи Внуковской послевоенной авиабазы, я стал в 1948 году студентом радиофакультета Одесского института связи, в нескольких часах езды от Бельц.

В 1947 году я приехал в армейский отпуск в Бельцы, куда мои родители вернулись из эвакуации сразу после войны. Из довоенного окружения осталось не более десяти процентов евреев, но в город приехали и обосновались в нём тысячи евреев из местечек и сёл. В домах продолжали ещё говорить на идиш, хотя дети, выросшие в эвакуации, уже отвечали по-русски...

Никаких еврейских организаций в городе не было. Еврейскую школу не открыли из-за "ненужности в таковой". В единственной синагоге (из десятка довоенных) царил подозрительность, атмосфера страха. Имелся лишь один свиток Торы, редко у кого был молитвенник. От былой атмосферы святости и уюта не осталось и следа

Еврейское кладбище было разгромлено весьма заметно, много памятников разрушено.

Я с трепетом ехал в отпуск из подмосковной авиабазы. И хотя я видел Бельцы в огне первого дня войны и в тот же день повзрослел, но и шесть лет спустя я ещё грезил увидеть тот живой город с гуляниями в центре, с толпами возле кинотеатров, с весёлыми лицами, с той особой атмосферой субботы и праздников, с озорными ребятами, звонко говорящими на идиш.

Но траур, неустроенность царил повсеместно. Следы пожарищ, разбитые улицы...

Руководители – приезжие русские, их заместители – молодые выдвиженцы из местных.

По городу расхаживал участковый милиционер в офицерских погонах без звёздочек – мой единственный соученик Сёма Койфман.

Я ходил по старым, памятным сердцу бельчанина местам... Вот мельница Липсона. Из трубы ещё вылетают искры с дымом, но примыкающий садик, куда нас водили на еврейские праздники, вырублен, запущен. Вот домик, где жила семья известного маккабиста, гимнаста и футболиста Авраама Эрлиха. Его семья погибла. Авраам прошёл всю войну, вернулся с наградами, но уехал подальше от трагических для него мест. А в том доме жил учитель Вишняк. Он умер в лагере, не дождавшись депортации. На углу когда-то была бакалейная лавка Занвела...

Руины звучали в моей памяти именами Башеривкер, Репетур, Кушнир, Скаянский, Гельман, Керницкий, Беленький... Я снял свою слишком парадную для этой атмосферы лётную форму.

В августе 1948 года, перед началом занятий в Одесском институте связи, я снова приехал в Бельцы на две недели.

Хорошо было побывать дома, пообщаться с родителями. Но новые чёрные тучи уже сгущались над моими соплеменникам и, в частности, над нашей семьёй. Близилась полоса борьбы против "Космополитизма", кампании против, якобы, "низкопоклонства перед западом", переросшей в шельмование учёных и деятелей искусства.

А в Бессарабии готовился ещё и второй этап депортации тех, кого война помешала депортировать в 1941 году. Когда я приехал в Бельцы после первого года учёбы, переполненный товарный "телятник" стоял на запасном пути Северного вокзала. Мне, как участнику

войны, удалось попасть на приём к генералу КГБ Гусеву. Увидев мои документы, он цинично заявил: "Я советую вам уносить скорее ноги, иначе, неровен час..."

С вокзальной площади я увидел товарняк с тысячами бельчан, уходящий в Сибирь, на лесоповал.

Мои родители вернулись шесть лет спустя, в 1955 году. Им разрешили вернуться, но не реабилитировали, так как они не были поражены в правах. Они считались лишь переселенцами. В Сибири они даже голосовали на выборах в Верховный Совет.

Каштановая Одесса явилась мне во всей своей красе и своеобразии, с наполовину еврейским (в ту пору) населением и абсолютно еврейскими (бени-криковскими) интонациями и манерами. Но её "еврейскость" оказалась вне моих представлений: никаких еврейских учреждений – школы, театра, клуба... мои сверстники не знают языка... Впервые после Бельца, эвакуации и армии, я увидел проблему в своей динамике, вымощенную дорогу к ассимиляции, вырождению...

Спонтанно возникшая общность новых друзей-соплеменников по курсу решила заняться языком идиш! И я, немного старше других, с военным прошлым и идишской базой оказался в центре реализации этого намерения.

1948 год был последним годом, когда поступление в ВУЗы типа того, в котором я учился, не регламентировалось ещё "процентной нормой". В результате, из 30 студентов в моей группе 16 были евреями. Примерно такое же соотношение

было и в других группах. Директором института был его основатель с довоенных лет – Ясиновский. Большинство преподавателей также были евреи.

Студенты-евреи владели примитивным идиш, на слуху. Это был уже не "мамэ-лошн", а "бобы-лошн", со скудным запасом слов. Но душа и сердце были глубоко еврейскими. Боль недавней гитлеровской катастрофы жила в каждом, потери не обошли никого.

Речь шла о занятиях по идиш, но идея "возрождённого Израиля" носилась в воздухе. И прикосновение к ней могло выразиться лишь косвенно, через идиш, исключая иврит и другие "сионистские" компоненты.

Еврейских школ и каких-либо культурных учреждений в послевоенной Одессе уже не имелось. Представления об языковой культуре ни у кого из нас не было. И я, владевший разговорным идиш лучше других, написал письмо на русском языке в издательство "Эмес" и получил на него такой ответ.

*Издательство
"Эмс"
23 Октября 1948
Москва, Старопанский пер.*

Товарищ Любарский!

Ваше письмо мы получили.

Издательство "Эмс" готовит к печати несколько книжек по языку. Пара книжек (Фальковича, Нусинбойма) появятся ещё в этом году. В газете "Эйникайт" об их появлении будет сообщено заблаговременно.

До появления этих книжечек попробуйте использовать "Книгу для чтения" Гутянского. Правда, эта книга для детей, но, в отсутствии подходящих, можно её использовать и для взрослых. Книга Гутянского наверняка имеется в Одесских киосках. В противном случае, Вы можете её выписать у нас. Её цена два рубля 25 копеек.

Секретарь Надель

Как видно из письма, учебных материалов по идишу в ту пору не имелось, что также говорит о многом... Тем не менее, я заказал книгу Гутянского. Но... Наступивший ноябрь ознаменовал начало открытого генерального наступления для "окончательного решения еврейской проблемы в СССР" путём полной ликвидации и запрета еврейских национально-культурных основ и источников.

С момента отправки моего письма и до рокового в истории советского еврейства ноября оставались считанные дни. В соответствующих инстанциях уже имелось готовое решение и логистика его реализации. Но издательство пока ещё мирно работало, отвечая и на не очень судьбоносные вопросы молодого студента, всего лишь за месяц с небольшим до этого севшего за парту института.

В ноябре 1948 года издательство "Эмс" было ликвидировано, а точнее, разгромлено, под флагом борьбы с "космополитизмом". Его сотрудники попали в советскую мясорубку, многие погибли в сталинских застенках и лагерях.

На этом и закончилась наша попытка организованно, группой учить идиш, и пришлось иначе взглянуть на еврейскую проблему в Советском Союзе, на наше будущее.

После окончания института я работал на различных "Стройках коммунизма": Урал, Братская ГЭС, Северный Кавказ, Москва. Защитил диссертацию, написал две технические книги, ряд журнальных статей.

Родителей навещал каждый год. В Бельцах возникали новые жилые кварталы, заводы Союзного значения... Но духовность нового времени так и не возвысила Бельцы, на мой взгляд, до былого довоенного уровня. Точнее, она оказалась совершенно другой. Люди как бы оказались в тисках навязанной им искусственной, не свойственной нормальному человеку идеологии.

Во время моего заключения (1972-1976, по обвинению в сионистской деятельности) умерли мои родители – мама в 1973 году, отец два года спустя. В просьбе отпустить меня на похороны, а это предусмотрено было "гуманными" советскими законами, мне отказали. Я ведь был опасным "государственным преступником".

После освобождения я приехал прямо в Бельцы и пришёл на могилы, а несколько месяцев спустя, после активного вмешательства американского конгрессмена Эдварда Коха, получил долгожданную визу на репатриацию в Израиль.

После распада СССР в 1992 году, то есть после 16-ти лет, я вновь навещил Бельцы. Город, как, впрочем,

и всё пространство бывшего СССР, выглядел жалко: безработица, недостаток во всём, везде челночники, мешочники, замкнутость, грязь...

Возникшая страна Молдова болезненно начинала своё становление.

Прошло ещё 10 лет, и я вновь навесил Бельцы. Перед моими глазами возник всё тот же мираж, сквозь который можно было лишь фантазировать о бурлящем когда-то в моём детстве и юности "штетле"...

После приведения могил в порядок, я бродил несколько дней по улицам. Зашёл и в домик по Кишинёвской улице, в котором я родился – незнакомые жильцы отнеслись с пониманием. Перестроенный домик как-то усох, врос в землю, но во дворе стояло ещё то дерево, которое я сам посадил в далёком своём детстве.

Еврейского "штетла" Бельц больше нет. Ураганы времени, война и связанная с ней катастрофа еврейства его уничтожили...

На еврейском кладбище в Бельцах остался лежать прах моих родителей, Мойши и Шифры Любарских, сестры Рахель и здесь же, на мраморной доске, имена неизвестно где, когда и как убиенных бабушки Нехамы, дяди Элика, его дочерей Ривы и Эти Любарских...

Бецалель Гендлер-Пинкензон

ДЕТИ ВОЙНЫ

Моя мама, Сима Пинкензон, родилась в Бельцах. Это было в начале прошлого века. Родители мамы, моя бабушка Шейва и дедушка Берко (дома его звали Бейрл), жили в небольшом одноэтажном доме. Дедушка занимался торговлей, семья, по тем временам, была среднего достатка.

Детей было четверо. Три дочери - Ревекка, Фрима и Сима, а также сын Вольф. Дома его звали Воля, Володя. Он был единственным из детей, который получил высшее образование.

Мама часто рассказывала о родительском доме, где были книги, рассказы старших, шутки. В семье царил атмосфера честности, порядочности и доброжелательности.

В 1928 г. моя мама вышла замуж и переехала в другой город.

Мы часто бывали в Бельцах, но особенно мне запомнилась поездка туда в 1940 году. Мой отец поехал на семинар и взял меня с собой, чтобы я повидался с

родственниками – бабушкой, дедушкой, тетей Феней, дядей Володей, который работал врачом и имел в городе репутацию хорошего специалиста. Их сын Муся был почти моим ровесником, и мы быстро нашли общий язык.

Уже прошло более 60-ти лет после трагической гибели моего двоюродного брата, а я все также называю его Мусей. По документам он Абрам. Именно так я и записал его здесь, в Израиле, в музее Яд ва-Шем. Дома же его называли Абрамуся, или просто Муся.

Мне было 8 лет, и я хорошо помню тот вечер сорокового года, когда мы приехали в Бельцы. Лил сильный дождь, и, чтобы добраться с вокзала, мы наняли извозчика.

Расправив сложенную гармошкой позади фаэтона крышу, возница надежно укрыл нас от дождя, а мягкие рессоры и обитые резиной колеса обеспечивали приятную езду. Одноэтажные дома едва виделись, уличных фонарей было мало, но дорогу освещал прикрепленный к облучку рядом с возницей фонарь со стеклом. Мокрая от дождя брусчатка отражала свет встречных пролетов.

На следующий день гости и вся семья собрались в небольшой столовой за обеденным столом. Большие окна пропускали много света. Из столовой наверх вела винтовая металлическая лестница.

Обеденный стол был накрыт белой скатертью, красиво сервирован, стояли бутылки с питьем, закрытые оригинальными пробками в виде ярко раскрашенных гномиков.

Взрослые продолжали трапезу, а Муся стал знакомить меня со своими книгами, играми, показал мне свой

велосипед, на котором любил кататься. Больше всего мне запомнилась скрипка, которая в его руках звучала особенно нежно. Это было интересно еще и потому, что я в то время только начинал учиться игре на скрипке.

Муся охотно рассказывал о себе, о своих учителях – известном в то время преподавателе музыки маэстро Бено Эккерлинге и учителе рисования Лазаре Дубиновском. Муся оказался интересным собеседником, много шутил, смеялся.

Мне запомнились родители Муси, тетя Феня и дядя Володя, его уверенный голос и мягкая улыбка, бабушка, спокойная, с гладко зачесанными назад волосами. Особенно я запомнил дедушку, его лучистые глаза, красивую, почти белую бороду, высокий рост, спокойную, уверенную речь. Помню я его также во время молитв, в еврейском молитвенном облачении, в талите и с филактериями. Думаю, что он всегда следовал известному изречению "да будут слова сии, которые я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём..."

Много лет спустя я понял, что усвоенные правовые и религиозно-этические нормы иудаизма, а также личные качества дедушки, такие как мудрость, доброта, честность, порядочность, культура взаимоотношений с близкими – это нечто глубоко осознанное, это воспитание, это наши корни.

Все это передалось, конечно, и внуку. Но тогда еще никто из нас не мог подумать, что спустя три года одиннадцатилетний мальчик Муся Пинкензон в час тяжелых испытаний соберет все эти качества в мощную энергию и перед казнью проявит себя героем.

Но вернемся к тем памятным дням сорокового. Мой отец решил остаться в Бельцах еще на несколько дней. Как-то мы ночевали у родственников, в семье Стопудис. Ночью я проснулся от страшного крика, что-то невероятное творилось в доме. Из комнаты, в которой мы спали, нас не выпускали. Был предрассветный час. Кто-то приоткрыл ставни. Сквозь предрассветную мглу я увидел пожилую женщину, которую с двух сторон вели двое военных в форме НКВД. Тропинка от дома вела через сад к калитке. На улице у ворот стояла черного цвета "Эмка", в которую втокнули старую женщину. На следующий день я с отцом уехали из Бельц.

Вскоре началась война. Красная Армия отступала, беженцы, в основном евреи, устремились в глубь страны на восток. О, как отчетливо помню я нашу эвакуацию!

Небольшой город, расположенный на берегу Днестра уже в первые дни войны замер и опустел. Не работала переправа. Наступил июль месяц. В ясный солнечный день мы вышли из города и пошли пешком в южном направлении.

Дорога поднималась в гору. На мгновение я оглянулся. Внизу в долине реки я увидел панораму города, утопающие в зелени улицы, старинную крепость на берегу, нашу школу у подножия горы. Со склона этой горы мы, мальчики, любили спускаться зимой вниз на санях.

Мы продолжали путь. Слева от нас протекал Днестр. Вспомнилось, как в весеннюю пору мы приходили сюда смотреть на ледоход. Особенно было интересно наблюдать, как спокойно плыли по реке огромные льдины, но затем,

достигнув узкой части русла, начинали тесниться, сталкивались, образуя нагромождения и заторы.

А справа от нас открывалась панорама южного склона горы. Здесь она представлялась отвесным обрывом, гладкая и белоснежная поверхность которого сверкала отраженными лучами летнего солнца. Издали хорошо просматривался на белом фоне вход в пещеру. По преданию старожилов в ней когда-то давно жил монах-отшельник.

Царила тревожная тишина. Мы ускорили шаг. Не успели покинуть окраины города, как вдруг в лицо пыхнуло сильным жаром от близкого пламени. Мы словно вошли в огненный тоннель. По обе стороны от дороги, по которой мы следовали, горели два больших здания. Ускорив шаг, мы вышли из этой зоны.

Шли долго, пока не оказались в местечке Думбравены, где проживал мой дядя. Здесь он надеялся раздобыть лошадей и подводу, чтобы в дальнейшем продвигаться в сторону села Косоуцы, где по некоторым слухам, переправа через Днестр еще действовала.

Переночевали у дяди. Рано утром нас бомбила немецкая авиация. В основном, самолёты бомбили отступающие части Красной Армии. Как на ладони видны были на склоне соседнего холма советские танки и разрывы падающих бомб. Перед сбрасыванием бомб самолеты пикировали, слышен был пронзительный свист...

Покинув Думбравены, мы вышли на широкое шоссе и с облегчением вздохнули. Но внезапно дорогу нам преградили несколько всадников, вооруженных вилами, косами и топорами. Грабители! Как потом рассказывал

мне дядя, он сказал тогда грабителям, что оставил дом и имущество без присмотра. В предвкушении более крупной добычи, всадники удалились.

А мы продолжили свой путь. Длинная вереница людей двигалась по дороге. Нехитрый скарб, узлы с вещами, небольшие чемоданы погрузили в одну-единственную подводу. Дети, как и взрослые, шли пешком, лишь на некоторое время их по очереди усаживали на подводу, чтобы они могли хоть немного передохнуть. Палило жаркое июльское солнце. На бреющем полете пролетали немецкие самолеты и обстреливали колонну беженцев. Мы немедленно разбегались в разные стороны и прятались в полях пшеницы или подсолнуха, которые тянулись по обе стороны от дороги.

Колонна беженцев увеличивалась. Внезапно я увидел одинокого извозчика, тоже беженца. Он сидел на облучке. Красивая упряжь и кисточка красного цвета, вплетенная в гриву уставшей лошади, как-то не вписывались в общую картину. Фэтон двигался медленно, рядом с шагавшими людьми. На его заднем сидении сидели дети.

На следующий день, едва только забрезжил рассвет, мы вошли в молдавское село Косоуцы и спустились к реке. Переправа через Днестр уже не работала, фронт был близок, вокруг царила тревожная тишина. Тысячи людей, измученные длинной дорогой и невыносимой жарой, сидели на своем скарбе, надеясь переправиться на противоположный берег. Мне на всю жизнь запомнилась сплошная черная полоса из черных зонтиков, тянувшаяся вдоль берега. Так люди спасались от беспощадной жары.

К полудню кто-то раздобыл старую лодку, наполовину заполненную водой. Мы забрались в нее, а маму долго не пропускали, так как лодка могла вот-вот перевернуться. Мы уже достигли половины реки, когда я заметил, что мы перестали приближаться к противоположному берегу. Лодка, словно замерла на месте. Я оглянулся и обнаружил, что к нашей лодке привязана лошадь, которая плыла вслед за нами и с трудом справлялась с быстрым течением реки. Веревка, которой она была привязана к лодке, периодически натягивалась, притормаживая движение или задавая ему другое направление.

Не успели мы добраться до украинского берега, как началась стрельба. Моя бабушка со стороны отца и мой двоюродный брат Бецалель остались на том берегу и все там погибли.

Семья Пинкензон, как мы узнали потом, пробивалась другими дорогами. Спустя много лет, уже в Израиле, бельчанин Абрам Пустыльник рассказал мне следующее. В начале войны он был мобилизован в ряды Красной Армии и в дни отступления, недалеко от железнодорожной станции Гура Каинар, он встретил дядю Володю. Встреча была недолгой, люди торопились, спасаясь от наступавшего врага. Молодой солдат запомнил, что дядя Володя держал в руках Мусину скрипку.

Мы продолжали свой путь. Впереди были многие километры по дорогам Украины. Долгие дни и недели под бесконечный стук колес поезд уносил нас в глубь страны. Бесконечная вереница товарных вагонов без удобств, питьевой воды и других элементарных условий.

Поезда, как правило, никогда не останавливались на железнодорожных станциях, а посреди поля или в лесу, и время стоянки никто не знал. Слабый гудок паровоза извещал нас об отправлении эшелона.

Запомнилась такая картина: поезд внезапно трогается с места, и люди, с криками ужаса, пытаются догнать уходящий вагон. Однажды, на какой-то станции, я отправился набрать в чайник кипятка, который, разумеется, служил нам и чаем, и горячим обедом. Когда я уже возвращался, увидел, что поезд отправляется. Я начал его догонять, и в последний момент чьи-то крепкие руки помогли мне прыгнуть на подножку последнего вагона.

После нескольких недель нелёгких переездов мы оказались на Северном Кавказе. На одной из крупных железнодорожных станций, не помню, то ли в Армавире, то ли на станции Тихорецк, наш поезд с беженцами почему-то долго не отправляли. По обе стороны от нас тянулись воинские эшелоны, на платформах стояли танки и орудия.

Внезапно начался налет немецких самолетов. Рев пикирующих машин и ответная стрельба установленных на воинских эшелонах зенитных пулеметов запомнились на всю жизнь. Вскоре самолеты были отогнаны, наступила тишина.

Мы остались на Северном Кавказе. Здесь, в станице Усть-Лабинская Краснодарского края мы снова встретились с семьей Пинкензон.

Жили мы недалеко друг от друга, но я встречался с Мусей нечасто.

Фронт стремительно приближался. Наша семья успела покинуть станицу до прихода фашистов.

Муся с родителями, дедушкой и бабушкой остались, так как дядя работал в госпитале, где было много раненых бойцов, которых он не мог бросить. Мы тогда еще не знали, что больше никогда не увидимся.

Затем наша семья оказалась в портовом городе Махачкала. Жили в деревянных бараках. Началась вспышка дизентерии.

Поток беженцев продвигался дальше в глубь страны. Вскоре мы покинули Махачкалу. Поднялись на пароход, который отправлялся в Красноводск. Беженцев с маленькими детьми пропускали к лестнице, которая вела вниз, в трюм парохода. Мне и сестре было соответственно 9 и 11 лет, и нашу семью разместили на палубе.

Была глубокая осень. Каспийское море бушевало, сильный холодный ветер постоянно захлестывал на палубу гребени огромных серо-чёрных волн.

Борт парохода и края палубы покрывались коркой льда. Было голодно и холодно. Эпидемия брюшного тифа и дизентерии косила людей. На палубе стояли кабинки туалетов и к ним тянулись вереницы очередей. Не раз я видел, как за борт в море сбрасывали какие-то мешки. Потом я узнал, что так хоронили умерших.

Из Красноводска, проехав всю Туркмению с запада на восток, мы прибыли в город Чарджоу. Здесь мы прожили до возвращения на родину.

В памяти остались и лечение отмороженных на пароходе пальцев ног, и несколько тяжелых лет, когда

утром съедался весь дневной паек хлеба, а затем весь день, и так каждый день, ощущалось мучительное чувство голода. Не было молока, овощей и других элементарных продуктов питания.

После войны мы узнали, что вся семья Пинкензон – Муся с родителями, дедушка и бабушка – была расстреляна фашистами в 1943 году у обрыва над Кубанью. Они разделили участь многих евреев, казненных в ту страшную пору. В тот последний день скрипка была с ним, он бережно прижимал ее к сердцу. Перед расстрелом немецкий офицер приказал ему сыграть... Он заиграл "Интернационал", гимн страны, которая вела с нацистами тяжелую войну. В ней участвовал и 12-летний мальчик Муся Пинкензон, оружием которого была скрипка.

Через много лет дети Усть-Лабинской школы, в которой Муся учился в годы войны, приехали в Молдавию, на его родину. Они подарили нам альбом с интересными рисунками детей, стихотворения, посвященные Мусе, а также свидетельские показания его учителей и одноклассников о его подвиге.

Вот некоторые из них.

Воспоминания одноклассника Забашта Владимира Федоровича:

"Я увидел Мусика впервые, когда его ввела в класс директор нашей школы Г.В. Петровская. Мальчик небольшого роста, в светлой рубашке, в коротких штанишках смело вошел в класс. Шел урок географии, вела урок Е.П. Сахно. Мусю посадили за третью парту. На

перемене все окружили его, нам интересно было узнать, как его зовут, кто его родители. Я сразу же подружился с ним, и домой мы пошли вместе. Он жил на той же улице, что и я. После занятий мы часто играли вместе, я бывал у него дома, Муся у меня.

Я хорошо знал его родных, бабушку, дедушку, отца и мать. Отца я видел редко, так как он отдавал большую часть своего времени работе в больнице. Муся часто играл на скрипке у меня дома. На мой вопрос "Кем ты хочешь быть?" он твердо отвечал, что только музыкантом.

Из воспоминаний о Мусе учительницы Сахно Елены Петровны:

"Запомнился он мне в коротких серых брюках и такого же цвета курточке, поверх которой развивался алый пионерский галстук. Муся отличался скромностью, аккуратностью. Он был жизнерадостным, любопытным мальчиком.

На уроках Муся работал с увлечением, всегда давал отличные ответы по всем предметам. Он часто спрашивал, что можно дополнительно почитать по материалу того или иного урока. Брал рекомендованные книги в библиотеке и читал их дома. Вот почему ребята, затаив дыхание, слушали его ответы у карты.

Муся охотно и постоянно помогал товарищам в учебе, принимал активное участие в экскурсиях, походах в окрестности станции Усть-Лабинской. Я помню, с какой любовью он вместе с другими ребятами готовил наглядные пособия, которые были помещены в географическом

кабинете. Особенно был удачно сделан макет рельефа станции. К сожалению, эти пособия не сохранились".

Одноклассница Бакиева Анна Никитична:

"Вскоре нашу школу закрыли, и в ней оборудовали госпиталь для советских военнослужащих. В госпиталь стали прибывать раненые. Мы старались хоть чем-нибудь помочь им, облегчить их боль словом или прикосновением руки. Мы часто дежурили у постелей тяжелораненых, писали письма родным. Затем решили подготовить концерт, чтобы выступить с ним перед ранеными. Ведущая роль в концерте принадлежала Мусе. Раненые с большим вниманием слушали произведения, которые он исполнял на скрипке. Я очень любила петь под аккомпанемент Мусы, Он очень умело играл, в его репертуаре было много различных песен".

Из воспоминаний Банной Надежды Антоновны:

"Мы жили в трудное время, и нам не хотелось быть в стороне от тех событий, которые проходили у нас на глазах. Мы всячески старались, хоть чем-нибудь помочь. Работали в поле, собирали урожай наравне со взрослыми. Когда мы узнали, что в Усть-Лабинске есть госпиталь для раненых бойцов, то решили обязательно навестить раненых. Мы собрали продукты, принесли кто что мог, ведь тогда уже было трудное время, и пошли пешком в госпиталь. В госпитале как раз шёл концерт, там я впервые и увидела маленького скрипача. Мы, деревенские мальчишки и девчонки, очень редко могли слышать скрипку,

и поэтому были очарованы исполнением. Впоследствии я узнала, что мальчика звали Муся Пинкензон".

Бакиева Анна Никитична:

"Но вот бои уже шли на окраинах станицы, раненых эвакуировали в тыл, и в город вошли немцы. Страшно вспоминать о тех зверствах, которые они чинили. Каждый день был полон арестами и расстрелами. В одну из таких страшных ночей был арестован и Муся с семьей".

Забашта Владимир Федорович:

"Когда в станицу вошли немцы, я стал реже видеть Мусю. Помню всего несколько встреч. Всякий раз я предлагал Мусе уйти из станицы на хутор, к знакомым. Но он отклонял мои просьбы и говорил: "Погибать так всем, всей семьей!". Последний раз я его видел в конце декабря. Встретились мы на улице, и разговор наш был краткий, о его судьбе. Муся и на этот раз отказался от помощи. На память он предлагал мне свою скрипку, но я сказал, что играть не умею, а ему она нужнее"

Бакиева Анна Никитична:

"Через некоторое время мы встретились с ним в тюремной камере, куда я попала вместе с родителями. Мы были все приговорены к расстрелу. Я помню, как сдержан был Муся, не по возрасту серьезен. В руках у него постоянно была скрипка. Мне с родителями чудом удалось спастись от расстрела. А все остальные 378 советских

граждан были расстреляны. После их расстрела я узнала о подвиге Муси, маленького героя-скрипача".

Забашта Владимир Федорович:

"Вся станица заговорила о стойкости и мужестве Муси, заигравшего "Интернационал" и не просившего пощады.

Помните о маленьком герое, чтите память о нем!"

Абрам Пустыльник

ЭПИТАФИЯ РОДНОМУ ГОРОДУ

Я помню Бельцы, близкий моему сердцу городок, с одноэтажными, плотно прижатыми друг к другу домиками, с неровными улицами и мостовыми, выложенными синим булыжником, и единственным видом городского транспорта – извозчиками.

Строения, в основном глинобитные или же из самана, выглядели бедно. Из-за скученности в этих жилищах светло было только в их "парадной" части.

Название Бельцы произошло от слова "балта", что на молдавском языке означает "лужа". Бытует даже легенда о том, что на перекрестке улицы Петроградской и переулка Мучной Базар когда-то утонул дилижанс.

Это случилось давно, но и в мое время, в двадцатых годах прошлого столетия, можно было увидеть, как на улице в луже валяется беспризорная свинья.

За чистотой в городе присмотра не было, хозяйственные отходы выбрасывались куда попало. Нередко бывало, что весной в большей части города от растаявшего снега грунтовые дороги превращались в непролазное болото.

Помню родительский наш домик из двух комнатушек с низкими потолками. Каждую пятницу мама, стоя на коленях, смазывала земляные полы глиной, старательно сглаживая их ладонью, пытаюсь создать маломальский уют накануне субботы

Помню торжественность, царившую в доме, ласковые блики горящих свечей, зажженных мамой, и её, произносившую над ними ритуальные *брохес* (благословения) в канун субботы.

В память мою врезались многие эпизоды детства, как будто все это было только вчера....

В тот день отец никуда не уходил, дома все были взволнованы, с тревогой вздрагивали при малейшем шорохе за дверью. Днем и ночью дверь была заперта. Позже я узнал от отца, чем было вызвано тогдашнее волнение – это была весть об убийстве большевиками царской семьи. Люди думали: что же будет дальше? В памяти евреев Бессарабии тогда еще не померкли ужасы Кишиневского погрома 1903 года.

В городе действовали пять синагог – одна из них центральная. Шестую, "Шеарей-Цион", так и не достроили. Была христианская православная церковь св. Николая, польский костёл и армянская церковь.

Помню шествия по ночному местечку людей со свечами, во главе с клезмерами, сопровождавшими несомый под хупой, подаренный синагоге свиток Торы.

Ежегодно на празднике Симхас-Тора, "Хевра-тилим", где габаем был мой отец, устраивала в нашей маленькой квартире большой пир, пили хорошее вино, закусывали поджаренными грецкими орехами.

Однажды празднество совпало с процессом над Шварцбардом в Париже за убийство Петлюры. Все дружно подняли бокалы "*лехаим*" за здоровье подсудимого и благополучный исход процесса. Суд вынес Шварцбарду приговор: "Один день лишения свободы".

В 1927 году, по случаю приезда тогдашнего короля Румынии Фердинанда, проложили шоссе от Северного железнодорожного вокзала до каменного моста через реку Реут. По этой дороге королевский кортеж во главе с Фердинандом в открытом автомобиле проследовал через весь город до больницы Мировского.

Мне вспоминается, как полицейские задержали одного юношу со свёртком в руках, пытавшегося прорваться через толпу встречающих ближе к дороге, по которой двигался королевский кортеж. В свертке оказался вылепленный им портрет Фердинанда, который он хотел сравнить с живым королём и убедиться, насколько портрет ему удался. Этим юношей был известный в будущем скульптор Лазарь Дубиновский.

По такому же случаю, в честь приезда короля Карла Второго в тридцатых годах, сделали шоссе по улице 28 Июня (уже советское название) от Западного железнодорожного вокзала до собора на улице Петроградской. По этой дороге король со своей свитой в сопровождении юного принца Михая прошёл пешком до собора, а потом до улицы Пушкина, где состоялась закладка первого камня под строительство гимназии "Домница (принцесса) Ильяна".

Я тогда впервые увидел настоящего короля. Статный, красивый, он казался выше всех присутствующих. Глядя на

него, я засомневался, мог ли бы я при моем маленьком росте быть королем.

Весной, из-за резкого потепления и таяния снега, река Реут выходила из берегов и затопляла поля от окраин города до железнодорожного полотна между Северным и Западным вокзалами.

С названием реки связан псевдоним бывшего секретаря коммунистической партии Румынии, бельчанина Лёни Ойгенштейна, ставшего Леонтием Рэуту.

Тогда питьевую воду покупали у Пини-водовоза. Зимой и летом, в жару и в стужу, с бочками на обледеневшей тележке, он развозил воду по домам. Мне помнятся его жилистые натруженные руки и сосульки на усах, закопченных от дыма дешёвой махорки.

Квартиры тогда освещались керосиновыми лампами, зимой отапливались дровами, а где камышом и попками подсолнуха. Позже, с появлением маслозаводов, лузга подсолнуха пользовалась большим спросом для зимнего отопления.

В двадцатых годах прошлого столетия в жизни нашего города стали ощущаться перемены. Можно было ездить в Западную Европу. Появились инициативные предприимчивые евреи. Они построили электростанцию, наладили водоснабжение в городе. Отчетливо помню, как прокладывали первые водопроводные трубы на главной улице, как впервые в квартирах и в уличных фонарях загорелись электрические лампочки, заменившие тусклое керосиновое освещение, как начал курсировать первый маршрутный микроавтобус от центра города до Северного железнодорожного вокзала.

Появились первые ростки промышленности: маслозаводы, мельница, сахарный завод, механические мастерские. В городе возникла бойкая торговля, открылось множество различных магазинов, куда приходили и приезжали покупатели из близлежащих местечек. Зерновые сельхозпродукты отправлялись за границу. Ремесленники разных специальностей, хотя и жили небогато, кормились собственным трудом.

Медицинские и социальные учреждения, созданные на средства щедрых благотворителей под эгидой комитета еврейской общины города во главе с Рахмилем Иоффе, обслуживали население. В специально приспособленном здании открыли больницу, где главным врачом работал Вестерман. В основном, здесь лечили больных из малоимущих слоев населения. Более состоятельные жители пользовались услугами частных семейных врачей.

Нуждающиеся могли получить под незначительный процент небольшие краткосрочные ссуды в еврейском банке, бессменным директором которого до начала Второй мировой войны работал Аврум Гойхман.

В конце двадцатых – начале тридцатых годов культурная жизнь в Бельцах ощутимо шагнула вперед. Еврейская гимназия была признана государственным учебным заведением. Возникли разного толка сионистские организации, спортивная организация "Маккаби".

Вспоминается случай с бело-голубым еврейским флагом, который произошёл 10 мая 1932 года на военном параде по случаю празднования присоединения Бессарабии к Румынии. В момент прохождения колонны еврейских ор-

ганизаций перед трибуной, на которой находились принимавшие парад высшие чины бельцкого гарнизона и отцы города, внезапно из толпы выскочил человек и бросился вырывать флаг у знаменосца. Попытка не удалась, но возникшая паника помешала продолжению демонстрации. Нападавший оказался членом фашистской организации "Железная гвардия", которую возглавлял Корнелиу Зеля-Кодряну.

В центре города появились кинематографы "Люкс" и "Модерн". В зале Фельдмана на Петроградской выступали артисты Виленского еврейского театра с участием Штейна и Дины Кениг. Здесь побывали артисты из Америки – Мориц Шварц, Каналов, Иосиф Булов, Райхцайт. На этой сцене часто концертировала Сиди Таль. В этом же зале выступали видные деятели сионистского движения Владимир Жаботинский и Шмарьягу Левин.

Таким я вспоминаю родное местечко Бэлц между двумя мировыми войнами.

Трудно себе представить, что городка, воспетого прославленными земляками – поэтами Яковом Фихманом, Эфраимом Ойрбахом, скульптором Дубиновским, скрипачом Беренштейном и еще многими талантливыми евреями, больше нет, – он сгорел в первые дни войны.

Рухнула хорошая жизнь, когда многие поколения евреев трудились, творили и благоустраивали родной город.

На руинах вырос новый город, появились другие люди, но в памяти выживших в том аду навсегда сохранятся ужасы войны, унесшей жизни родных и близких, 15-ти тысяч расстрелянных, заживо сожженных и погибших в гетто Транснистрии.

Сегодня имена многих из них значатся в анналах музея "Яд ва-Шем" в Иерусалиме – общего памятника шести миллионам евреев, сгоревших в огне Катастрофы.

МОЙШЕ ЧАК

Всегда, когда предаюсь воспоминаниям о родном городе Бельцы, память пробуждает ярко запечатлевшиеся картины детства.

Прошло много лет с тех пор, как не стало Мойше Чака, личности, которая не могла оставаться незамеченной в местечке. Высокий, широкоплечий, чуть сутуловатый, с тяжелой походкой, он не бродяжничал, а всегда проходил с видом делового человека.

Мойше был отпрыском вполне приличной семьи Масисов, но его почему-то прозвали Чаком. Он не был дураком, обладал даже своеобразным чувством юмора, но в отличие от своих родичей-трудяг, был чудаком. Его не волновали ни суэта окружавших его людей, вечно озабоченных решением каких-то жизненных проблем, ни их радости и печали, ни горе и неудачи. Он жил в безмятежном мире, добиваясь своего без особого труда. Да и потребности у него были невелики: поесть, поспать и чтобы парная баня работала.

Ему было уже лет пятьдесят, и он жил, ничего не делая, но очень не любил, когда его называли "шнорер" (попрошайка).

— Я не нищий, а "сойхер" (торговец), — говорил он.

Накануне религиозных праздников он закупал молитвенники и перепродавал их всем своим благодетелям втридорога.

— Мойше, — спрашивали его, — почему так дорого берешь? В магазине "Агада" стоит всего три лей, а ты прошишь 10 лей.

— У меня такая цена, — отвечал он.

Базар был его излюбленным местом, там его все знали, и любили пошутить с ним.

В кругу его опекунов был и мой отец. В пятницу Мойше бывал гостем нашего дома, и мама кормила его вкусным обедом.

Но когда она, бывало, просила его помочь поднести тяжелую сумку до дома, Мойше отказывался. Трудиться он никогда не любил.

— Не могу, я занят, — говорил он и быстро уходил.

С нетерпением он ждал приезда жившего за границей хозяина сахарного завода Эсмонского. Узнав, что он должен приехать, Мойше не отходил от его офиса. И вот наступал долгожданный момент. Увидев Эсмонского, Мойше приветствовал его роскошным реверансом, взмахивая шляпой до самой земли.

Хозяин останавливался, глядел на приветствовавшего его, якобы, незнакомца, протягивал ему руку, чтобы отблагодарить, но Мойше тут же отворачивал голову.

— Боже упаси, я не попрошайка, — произносил он обиженно.

— Чего же ты от меня хочешь? — с улыбкой спрашивал его Эсмонский.

— Работать хочу, — отвечал ему с достоинством Мойше.

— Что же ты умеешь делать, какую работу хочешь?

Мойше, с видом делового человека, говорил:

— Хочу, что бы, если ты задумаешь что-то делать, раньше советовался бы со мной.

Эсмонский слегка улыбался. Юмор бродяги ему нравился. Мойше также оставался довольным.

С приходом в Бессарабию Советов, Мойше Чак исчез. В первом в мире социалистическом государстве не должно было быть нищих и попрошайек, и работать обязаны были все под девизом: "Кто не работает, тот не ест".

ДИНА

На рассвете 22 июня 1941 года наш дом содрогнулся от мощных взрывов. Задрезжали стекла, и, казалось, вот-вот рухнет потолок. Когда мы выбежали на улицу, там уже было полно людей, взволнованно обсуждавших случившееся.

Со стороны села Сынгуряны, где наша организация строила аэродром, видны были тянувшиеся вверх клубы дыма.

Глядя на это зрелище, я вспомнил недавний разговор Алексея Николаевича Былинина, нашего главного бухгалтера, с начальником стройплощадки в Петрушанах капитаном Шоболовым ответственным за строительство военных сооружений на границе с Румынией. Шоболов говорил о том, что в последнее время участились полёты разведывательных румынских самолётов над его участком.

Я помчался в контору, где рядом с бухгалтерией жил Алексей Николаевич; он, еще в ночном наряде, беседовал с комиссаром нашего управления капитаном Серовым. Когда я вошёл, они прекратили разговор: мое внезапное появление ещё больше усилило их растерянность.

— Чего прибежал в выходной день? — спросил меня Серов.

— В городе тревожно, — ответил я, — наша стройплощадка горит.

— Это военные проводят тактические занятия и сожгли скирду соломы, — успокоил меня Серов.

— Нет, — возразил я, — это дым от горячего.

Как офицер Красной Армии, он мог только догадываться, но размышлять вслух было опасно. Он, как и все мы, ничего не знал.

Кремлёвские куранты пробили шесть, и мы стали молча слушать последние известия из Москвы. Ничего особенного радио не сообщило.

Позже я узнал от кучера начальника нашего управления, что стройплощадку аэродрома в Сынгурьях полностью разбомбили. Самолёты все уничтожены, временная взлётно-посадочная дорожка и землеройная техника раскурочены, нефтехранилище и единственный корпус сожжены.

Постепенно народ успокоился, и жизнь в городе потекла в обычном ритме. На улице, как всегда в воскресенье, было многолюдно. Дети играли, и их веселье придавало взрослым спокойствия.

Только из выступления Молотова по радио мы узнали, что началась война, но бомбардировки в этот день больше не повторялись.

Началась суматоха. Люди куда-то спешили, на их мрачных лицах видна была тревога.

Второй день войны, 23 июня, также прошел без эксцезе

бардировками, обстрелами и пожарами, надвигавшимися на Бельцы.

Утром 24 июня у сборного пункта военкомата меня встретила Дина. Дружба с ней началась с того момента, когда на ее выпускном вечере наши взгляды на какой-то миг пересеклись.

Мы решили пожениться, мечтали создать счастливую семью, растить детей, а получилось не так – меня мобилизовали.

Дина смотрела мне в лицо ласковым, полным тревоги взглядом. Прошло уже столько лет, а ее глаза до сих пор остаются такими живыми в моей памяти! Мы тогда не подозревали, что видимся в последний раз.

Объявили воздушную тревогу. Дина вложила мне в руку скомканную бумажку и шепнула: "Ты их не трать, сохрани, чтобы помнить". Обняла меня и побежала домой, там уже долгое время ее отец болел и не вставал с постели.

Со стороны Румынии появились два самолета. Они сделали вираж над городом, разбомбили железнодорожное полотно между Северным и Западным вокзалами и беспрепятственно ушли туда, откуда пришли.

К вечеру опять прозвучала сирена воздушной тревоги. Люди попрятались в подвальные помещения учебных корпусов пединститута, но и туда доносился тяжелый гул вражеских самолетов. Первая бомба упала во двор, где мы только что находились. Образовалась огромная воронка. По счастливой случайности жертв не было. После отбоя нам, не успевшим переодеться в военную форму, вручили винтовки и погнали на восток.

На перекрестке улиц Пушкинской и Пионерской упала вторая бомба. Скоро опустилась ночь. Тьма была такая густая, что, казалось, ее можно зажать в кулак. Мы свернули вниз по Пионерской в сторону пивзавода, чтобы через Кишиневский мост выйти на дорогу к Днестру.

Возле узкого мостика через речушку Реуцел образовалась пробка. Жители бежали из горящего города, а самолеты продолжали сбрасывать зажигательные бомбы на знакомые румынам еврейские кварталы. Они налетали и на выходы из города, где скопилось много народа, и, пользуясь осветительными ракетами, строчили из пулеметов в охваченных паникой людей.

В тот вечер я, как и многие, думал, что война скоро закончится. Но только в октябре 1946 года, после фронта и госпиталей, я вернулся в Бельцы.

Все эти годы я разыскивал Дину среди тысяч эвакуированных беженцев. Каждый день я приходил из госпиталя на Астраханскую пристань и искал бельчан среди приплывающих по Волге, и возвращался разочарованным: ни Дину, ни членов ее семьи никто из них не встречал.

И вот я снова в родном городе. Выходя из вагона на Северном вокзале, я встретил Нюсю Ховис, ровесницу и знакомую Дины. Она рассказала мне, что Дины нет в живых: она покончила с собой ещё в начале войны, в Реуцельском лесу. О судьбе ее родителей Нюся ничего знала.

В Реуцельский лес немцы загнали тысячи евреев из Бельц и близлежащих местечек, держали их несколько недель без еды и питья, а потом угнали в Транснистрию. Многие умерли от голода и болезней.

В 1985 году в Бельцах появился Илья, брат Дины, которого я считал пропавшим. Он узнал мой адрес, и мы встретились. Передо мной стоял седой человек с незнакомыми чертами лица и незнакомым голосом. Я узнал его только потому, что о своем приходе он меня предупредил.

Вначале он молчал, только крепко прижал меня к себе, и чувствовалось, что от волнения он не в состоянии говорить. Когда Илья немного успокоился, я спросил его, где он был все эти годы.

И он начал свою печальную исповедь: "В марте 1946 года после демобилизации из армии я побывал дома в Бельцах. Город лежал в развалинах. Там, где стоял когда-то отцовский дом, я нашел груды земли, заросшие бурьяном. Два дня я ходил по базару, единственному месту, где можно было встретить кого-нибудь из знакомых, но так никого и не встретил. Оставшиеся в живых люди только возвращались в родной город. Когда я узнал, с какой жестокостью немцы уничтожали евреев, у меня не осталось ни малейшей надежды найти кого-нибудь из близких в живых.

Я не хотел оставаться в городе, где, как мне казалось, я хожу по праху своих родных. Меня терзала мысль, что я не был с ними рядом в то страшное время, что я виноват в их гибели. И я вернулся в Сталинград, куда меня занесла война. Все эти годы я искал людей, кого-нибудь, кто бы сообщил мне хоть что-то о судьбе моих близких. Я хотел знать, где покоится их прах, хотел увековечить их имена, и скорбеть о них в поминальные дни".

Мы с Ильей побывали в Реуцельском лесу. Пришли туда утром. Погода стояла хорошая. В лесу царила тишина, слыш-

ны были только птичьи голоса. На траве еще блестели капли росы, и листья деревьев слегка шевелились на лёгком ветру.

В этом удивительном покое трудно было себе представить, что когда-то под этими деревьями тысячи наших родных и близких подвергались жесточайшим мучениям.

Илья прислонился к дереву и заплакал. Я обнял его за плечи, чтобы успокоить, но он отвел мою руку.

— Хочу поплакать, — сказал он, — я столько лет этого ждал... Хочу поклониться этому месту.

Мы долго бродили между деревьями, вышли на опушку леса, но нигде не видели никаких следов, свидетельствующих о страшном прошлом.

Единственная разница бы только в том, что молодой тогда Реуцельский лесок превратился в настоящий лес с могучими деревьями. Ведь прошло немало лет, и я вдруг подумал, что, наверное, хорошо им было расти на еврейской крови.

ДУРАК

Ветеран Бельцкого пивоваренного завода Дмитрий Сырбу еще юношей начал работать на заводе и продолжал трудиться здесь всю свою жизнь.

Внешне он походил на Карла Маркса: крупным лицом, с большой головой, обрамленной густой сединой. Признавал он только бога и авторитет своих хозяев, которым преданно служил. Ко всем хозяевам, а их было несколько, он относился одинаково честно: к Брестечкому, построившему этот завод, позже, во время войны, к румыну Мильтиаде Попеску и, наконец, к ставленнику советской власти.

Хозяева его уважали и доверяли ему во всем.

В конце 1944 года этот рядовой труженик поневоле стал директором Бельцкой мельницы и пивоваренного завода. А случилось это так: успехи советских войск на фронтах второй мировой войны, стремительное их продвижение на запад, заставили иностранных предпринимателей задуматься.

Мильтиаде Попеску, тогдашний хозяин мельницы и пивоваренного завода, отдав Сырбу ключи от хозяйства, сказал ему:

— Митя, я уезжаю и не знаю, как скоро вернусь. Пока меня не будет, хозяином будешь ты, я тебе полностью доверяю, надеюсь, не подведешь.

— Не делайте этого, — просил Сырбу, — я малограмотный, на хозяйстве много добра, оно плохо охраняется, я не справлюсь.

Но хозяин торопился и вскоре уехал.

Весть о его исчезновении быстро дошла до ушей всех, кто жил вблизи мельницы, и тут же начались вандализм и растаскивание муки, хранившейся на мельничном дворе под открытым небом.

Сырбу очень переживал, видя все эти безобразия. Таскали мешки не только ночью, но и днем, прямо у него на глазах, но противостоять грабежу он не мог.

Узнав, что в городе действует военная комендатура, Сырбу поспешил туда за помощью.

Попасть в комендатуру было не так-то просто. По улице Ленинградской непрерывно двигалась военная техника, перейти дорогу было почти что невозможно. Наконец, Сырбу оказался перед комендантом. Волнуясь от встречи с высокопоставленным военным начальником, он тут же положил на стол связку ключей.

— Помогите, ради Бога, — начал он, — на мельнице воруя, растаскивают муку, а я не в силах ничего сделать.

— Как зовут и кто такой? — прервал его офицер.

— Я рабочий мельницы, зовут меня Дмитрий Сырбу. Недавно мой хозяин уехал в Румынию, оставил мне ключи и приказал смотреть за хозяйством, пока он вернется. Как только узнали, что хозяина мельницы нет, начали растас-

кивать мешки с мукой. Очень прошу помочь, я один не в силах справиться.

Сначала начальник не уловил суть путаного от волнения рассказа, но когда Сырбу успокоился и толком изложил причину своего обращения, комендант уважительно сказал:

— Отец, подсчитай, сколько на мельнице необходимо постов, чтобы обеспечить сохранность находящихся там ценностей.

Сырбу приблизительно назвал цифру.

— Пиши, — скомандовал комендант, сидящему за столом офицеру, — приказ о назначении товарища Сырбу Дмитрия Ивановича директором мельницы и пивоваренного завода, находящихся в городе Бельцы по улице Садовой.

— Боже упаси! — пытался возразить Сырбу, — я не могу, я малограмотный, я только простой рабочий...

— Какого черта тогда пришел сюда? — разозлился комендант. — Ты просил помощи, вот я это и делаю.

Вручив ему бумагу, комендант добавил:

— Береги социалистическую собственность.

И скомандовал:

— Направить в подчинение директора мельницы и пивоваренного завода двенадцать вооруженных солдат для наведения порядка.

Таким образом, Дмитрий Сырбу стал директором большого хозяйства.

Теперь возник вопрос, что делать с пивом, находящимся в чанах и готовым к употреблению: если передержать,

оно испортится. Узнав, что в горсовете появился председатель, Сырбу поспешил к нему.

Зайдя в кабинет, он представился, и тут же почувствовал неловкость. Его смутил взгляда председателя, который, как ему показалось, с неодобрением рассматривал его рабочий наряд. Но тот уважительно протянул ему руку и пригласил сесть.

— Слушаю вас, — начал председатель.

Сырбу изложил ему обстановку на заводе.

— Пиво готово к употреблению, хранить дольше нельзя. Как быть, что делать?

— Продавать надо, — сказал председатель.

— Как продавать, по какой цене? — спросил Сырбу.

— По цене, как продавалось раньше.

И Сырбу стал торговать, пока не набил большую сумку деньгами. И опять к председателю:

— Что делать с деньгами?

— Сколько их у тебя?

— Не знаю, — ответил Сырбу, — считать не умею.

— Вези деньги сюда, тут подсчитаем.

Когда Сырбу, верный слуга, открыл сумку с деньгами, председатель недоуменно взглянул на него и, набрав охапку купюр, протянул ему со словами:

— Бери, дурак, это твое!

Аркадий Розенберг

МАЙН ШТЭЙТАЛЭ БЭЛЦ

А еще в этой известной песне есть проникновенные, берущие за душу слова: "Майн эймоле Бэлц". "Штетеле" переводится как городок, городишко. "Эймоле" же в вольном переводе означает малая родина.

У каждого из нас свой "штетл", с которым связаны детство, отрочество, юность, зрелые годы.

Первые сведения о поселении относятся к 1421 году. Это было типичное захолустье, сонно утопавшее в непролазной грязи, которая не успевала просыхать от дождя к дождю. Не случайно городок получил название "Бэлц", что в переводе с румынского означает болото, топи. "Избави, Господи, от дождя. Тогда улицы превращаются в сплошное месиво грязи. А грязь в Бельцах необыкновенная, жидкая, по которой все скользят и вынуждены ходить, опираясь на палки", эти слова были написаны гораздо позже, в 1911 году, когда в городе появилось несколько мостовых.

Однажды через всеми забытую окраину России, проезжал царь Александр I. Ночь застала его при подъезде к небольшому населенному пункту. Государь вместе со сви-

той переночевал в главной достопримечательности этих мест - соборе святого Николая, построенном в 1795 году. Довольный оказанным гостеприимством, царь повелел "отныне и впредь именовать местечко Бэлц городом". Произошло это, как свидетельствуют историки, в марте 1818 года.

Небольшой городишко со своим устоявшимся укладом жил размеренной жизнью. Населяли его в основном люди мастеровые: портные и сапожники, скорняки и слесари, столяры и плотники, кузнецы и бондари, пекари и извозчики, мельники и маслоделы, ткачи и водовозы...

В ту пору здесь проживало 9975 жителей. Новоиспеченный город насчитывал три больницы, два кирпичных заводика, паровую мельницу, восемь синагог, православную церковь и католический костел, три мыловаренных и два свечных завода, еврейское училище, 192 лавки и 46 шинков – небольших питейных заведений. Буржуазная газета, выходившая полтора столетия назад, с горечью писала: "Бельцы погружены в спячку и вряд ли проснутся через тысячу лет..."

В годы Второй мировой войны город превратился в сплошные руины, но не ушел в небытие. Он, словно птица Феникс, возродился из пепла. В этом городе я впервые прочитал по слогам слово "мама", здесь мною было "десять классов пройдено". Сюда дважды в год приезжал на студенческие каникулы. Днями просиживал в читальном зале городской библиотеки, где пристрастился к литературе. Именно тогда я полюбил бедных, но никогда не унывающих местечковых героев бессмертных "Блуждающих звезд" Шолом-Алейхема.

Сколько лет прошло, но и по сей день, словно серебряные молоточки, выстукивают в моей голове слова, проинесенные в горе еврейским мальчиком по имени Мотл: "Мне хорошо, я – сирота". Бурю эмоций и слезы вызвала во мне жуткая фраза маленького героя небольшого рассказа, прочитанного на мамэ-лошн, в оригинале. Так я впервые познакомился с творчеством великого еврейского писателя.

В эти же годы восторгался персонажами, красочно, образно и емко описанными в романе "Буря" и в книге "Люди, годы, жизнь" Ильи Эренбурга, "Тяжелый песок" и "Дети Арбата" Анатолия Рыбакова... Тогда же впервые узнал об известных писателях Льве Кассиле и Анатолии Алексине, поэте Самуиле Маршаке.

Здесь, в моем родном городе, мне посчастливилось услышать на знакомом с детства языке родителей, бабушек и дедушек песни в исполнении Сиди Таль, Нехамы Лифшицайте, Жени Фаерман, Вадима Мулермана, Михаила Александровича, Эмиля Горовца... В дни концертов еврейских звезд город гудел, словно встревоженный улей. Трудно описать, что творилось в переполненных залах. Благодарная публика горячими аплодисментами встречала каждый выход актеров на сцену.

Но все когда-нибудь кончается. Звучал заключительный аккорд. Несколько мгновений тишины, и публика начинает неистовствовать. Несмолкающие аплодисменты длились не пятнадцать минут, а вечность.

Позднее узнал, что не только меня в этот момент посещала мысль: к театральному подъезду власти подогнали

сотню" черных воронов" и всех нас, кто осмелился вдохнуть живительный глоток свободы, непременно увезут в кутузку и упекут за решетку. Людям казалось, что, устраивая любимым актерам оvation, они совершают нечто противоправное, чего ни в коем случае нельзя делать в стране победившего социализма.

В потаенных уголках памяти храню отдельные эпизоды той жизни, фамилии известных врачей: Павермана, Шора, Бронштейна, Кишилева, Крымского, Калихмана. Калихман приобрёл славу тем, что каким-то образом сумел удалить из желудка доярки колхоза "Искра" Е. Лутиной проглоченную ненароком алюминиевую вилку.

В Бельцах по сей день вспоминают добрыми словами первых и долгие годы бессменных руководителей завода коммунального оборудования Фишмана и электростанции – Локшина. Опытнейших, влюбленных в свое дело преподавателей пединститута А.Мейлихзона, Ю.Рошкована, И.Головатого. Заслуженного учителя Молдавской ССР А.Аршавского, заслуженного врача республики Л.Мармора, известных далеко за пределами Молдовы скульптора Л. Дубиновского

В нашем городе родилась и выросла заслуженная артистка республики Светлана Тома. Помните любвеобильную красавицу-цыганку в кинофильме "Табор уходит в небо"?

Председатель передового в Бельцком районе колхоза "Правда" Андрей Фомичев пригласил меня в дом номер 6, утопавший в зелени по улице Телевизионной, что на окраине города, где довольно сдержанно отвечал на мои вопросы. Неожиданно в наш разговор вмешалась его супруга:

"Андрюша, расскажи корреспонденту о нашей Светочке, ведь она известная артистка". Как и каждой еврейской маме, ей очень хотелось похвалиться своей дочкой.

Однако строгий голова колхоза ответил ей: "Ида Сауловна, наш гость готовит материал о достижениях хозяйства, которым я руковожу, а не о нашей дочери. Если надо будет, он с ней лично встретится". На этом тема об искусстве была закрыта.

К сожалению, интервью у Светланы мне так и не довелось взять. Но от более удачливого коллеги узнал, что псевдоним Тома проистекает от школьной клички Фомичевой – Фома.

Когда я вспоминаю Бельцы, особенно изменившиеся и похорошевшие в последние полвека, перед глазами проплывают утопающие в зелени улицы и улочки, широкие площади и проспекты, парки и бульвары, которые исходил вдоль и поперек.

В восьмидесятые годы прошлого века далеко за пределами солнечной Молдовы славились электротехнический завод, изготовлявший несколько модификаций погрузчиков большой грузоподъемности; завод электроосветительной арматуры, выпускавший более сорока наименований настольных и настенных плафонов, люстр, бра, светильников; предприятие "Сельмаш", основная продукция которого – томатоборочные комбайны. Гордились своими изделиями фабрики швейная и трикотажная.

Высоко котировались на мировом рынке вина и коньяки винно-коньячного комбината, удостоенные шести золо-

тых, двух серебряных и двух бронзовых медалей. В городе находилось широко известное в стране научно-производственное объединение "Селекция", сотрудники которого вывели десятки новых сортов пшеницы, кукурузы, проса и других зерновых культур. Через Бельцы почти четверть века назад пролег путь олимпийского огня Олимпиады-80.

Тысячи моих земляков – братьев по крови, наряду с представителями других национальностей, стояли у истоков развития города. Своими знаниями, творчеством, работоспособностью, деловитостью, еврейской хваткой и смекалкой они множили славу Бельц.

Не знаю, каким стал город после моего отъезда. Видимо, сильно изменился за прошедшие тринадцать лет. Все чаще вспоминаю слышанные некогда строки:

Годы наши, годы. Нет возврата.
Я поспеть за вами не могу:
За реку умчались вы куда-то.
Нет моста... А я на берегу...

МОЯ БАР-МИЦВА

— Сегодня, мальчик, в честь праздника мы попробуем фаршированную рыбу, — радостно потирая руки, говорил отец.

Папа говорил "попробуем", потому что одной рыбы на всю семью было явно маловато. Но попробовать ее на вкус мне уже не терпелось с утра. При этих словах у меня слюнки текли.

И еще я твердо знал, что если вечером на столе будет стоять фаршированная рыба, значит, я в очередной раз услышу интересную историю о сути и значении одного из многочисленных еврейских праздников, об Аврааме, Ицхакке, Якове, о всемирном потопе, о Моше-рабейну, а также о Нем, Всевышнем, имя которого нельзя упоминать всуе.

Не скажу, что родители мои были фанатичными верующими, но в семье свято соблюдались еврейские традиции. Быть может, потому, что отец моего отца был габаем в местечковой синагоге. Кто в Рышканах не знал до войны моего дедушку? За глаза его звали не иначе как "Пине шнайдер" (Пиня-портной). Люди тем самым показывали свое доброе

расположение к известному во всей округе портному и мастеру своего дела. К нему приезжали даже из отдаленных сел и деревень, и не только евреи.

Клиентура у дедушки была богатая. И если он, словно оправдываясь, тихо говорил, бывало: "У меня нет возможности сделать это к Пасхе", ему верили. Иногда в качестве веского аргумента дед вопросительно добавлял: "Разве я не хочу заработать?" И очередной клиент, которому на сей раз не повезло, оставлял на столе дорогостоящий отрез на костюм или пальто, в надежде, что уж на Йом-Кипур точно будет щеголять в обнове, пошитой самим ребе Пиней.

Секретами своего портняжного мастерства дед щедро делился со своим младшим сыном – моим отцом. Настало время, когда клиентура деда перешла к моему отцу, которого в знак уважения и признания его таланта (а он действительно слыл отличным дамским портным, хотя и мужскую одежду шил добротнo) стали называть "Бэйрл Пине-шнайдерс" (Берл Пини-портного), а потом и "Бэйрл-шнайдер".

Сейчас это назвали бы продолжением династии, а тогда это было в порядке вещей. Не станет ведь "а пушитэр шнайдер" (простой портной) учить свое чадо профессии врача или фармацевта. Может, и были подобные исключения, но бывали они так редко, что о них даже не принято было говорить в нашем кругу.

Стремление продолжить дело родителя всячески поощрялось. Помнится, папа мне рассказывал, как отец частенько выговаривал ему: "Будешь человеком, обучу тебя портновскому ремеслу, а коль нет – к черту в водовозы". И отец

мой стал человеком, освоил дело отца своего и всю жизнь благодарил его (дедушку) за то, что тот дал ему "кусочек хлеба в руки".

— Дос из а голдене мелохе, — бывало, шутил папа. — Это золотая профессия. С ней не обогатишься, но и с сумой по миру не пойдёшь...

Отец был прав: мы никогда не были богатыми, но и голода семья не знала даже в самые трудные послевоенные годы.

В июне 45 года наша семья переехала в Бельцы, где я прожил всю сознательную жизнь.

Традиции предков в нашей семье соблюдались. На Пасху у нас невесть откуда появлялась маца, на Пурим мама пекла удивительно вкусные ументашн, на Шавуот (родители почему-то говорили "швис") со стола не сходили молочные блюда.

А какой "лейкех" пекла мама! Если я вам скажу, что вы никогда не пробовали такого лакомства, значит, я ровным счетом ничего не скажу. Он же таял во рту. Это был не просто "лейкех". Это было сладкое желтое чудо! Только моя мама умела без всякого миксера (кто слышал тогда об этом?) так взбить белковую массу, что она казалась невесомой.

Скажу по секрету, моя жена, не слишком щедрая на похвалу свекрови, по сей день не может ни у кого в гостях есть "лейкех". "Это не то", — говорит моя супруга. И я с ней соглашаюсь.

Когда мне исполнилось двенадцать с половиной лет, а было это во время летних каникул, отец, посадив меня,

как маленького, на колени, тоном, не терпящим возражений, сказал, что хочет обучить меня мамэ-лошн.

— Ты еврей? — спросил он меня.

Я утвердительно закивал головой.

Этого я никогда и нигде не забывал: ни в школе, ни на улице, среди дворовых мальчишек, утверждавших, что на Пасху мы убиваем невинных христианских младенцев.

Помню как однажды, играя с мальчишками в снежки, я увидел на снегу алые капли крови, (кто-то нес с базара курицу с перерезанным горлом) и тут же постарался их затоптать, чтобы соседский Вилен не имел против меня никакого "компромата". Но он это заметил и, конечно же, истолковал по-своему: "До Пасхи вашей еще месяца три, а вы, гады, уже пацанёнка нашего загубили..."

— Да, папа, я хочу научиться писать и читать на идиш, — выпалил я.

Через несколько дней в нашем доме появился симпатичный старичок с белой, как лунь, бородой, и без лишних слов приступил к занятиям со мной.

— Меня зовут Зейлик Бердичев, — сказал он.

И тут же раскрыл потрепанную книжку, во многих местах обклеенную узкими полосками газетной бумаги. На одной из бумажных ленточек отчетливо читалось: "...всех стран, соединяйтесь!" Не к евреям ли это относилось?

Ткнув прокуренным жёлтым пальцем в один из иероглифов, реб Зейлик сказал "алеф". Я ему поверил, и смело повторил: "алеф". Так начались мои еврейские "университеты". А дальше происходило самое интересное. Семидесятилетний старец, видимо, отлично владел методикой пре-

подавания, и вёл занятия так, что я с нетерпением ждал следующего урока. Занимался я с учителем три раза в неделю. При каждой нашей встрече я узнавал много нового и ужасно интересного, такого, о чем, казалось, нигде нельзя было узнать.

Одновременно с уроками грамматики ("дикдук", говорил Зейлик) я вкратце познакомился с Ветхим Заветом – Торой. Через шесть месяцев я уже бегло читал отдельные главы, самостоятельно накладывал тфилин, знал благословения ("брахот") на воду, хлеб, фрукты, овощи.

Наконец, настал тот зимний вечер, когда реб Зейлик, пригласив в кухню отца с матерью, устроил мне показательный экзамен. В течение целого часа учитель спрашивал, а я отвечал. Я читал совершенно незнакомые мне разделы Торы, проговаривал на иврите молитвы, благословения, рассказывал на идиш о сути основных еврейских праздников.

"Чти отца своего и мать свою, чтобы продлились дни твои", – вдохновенно говорил я, вкладывая свой, особый смысл в эту заповедь почитания родителей.

В тот памятный вечер я выглядел в глазах отца, по меньшей мере, Спинозой. Мой учитель сиял: не зря он старался, стремясь передать мальчишке хоть малую толику тех огромных знаний, которыми обладал.

Через две недели известного всей округе Зейлика Бердичевера не стало. Я был последним учеником много повидавшего на своем веку учителя.

В дни зимних каникул я навестил мудрого ребе. В ожидании смерти он умиротворённо, тихо лежал на старой кушетке, укрытый засаленным красным ватным одеялом,

повернувшись к стене. Рядом, на колченогом столе, покоилась бордовая бархатистая сумочка с нашитой на ней канителью золотистой звездой Давида. В неё были аккуратно уложены талит и филактерии самого Зейлика.

— Мальчик... Послушай меня... — Учитель зашелся в очередном приступе кашля.

— Возьми талит и филактерии, когда пойдешь в синагогу в день тринадцатилетия...

Я так и поступил. Морозным утром 20 января 1952 года вместе с отцом я пошел в синагогу, облачился в талит и возложил филактерии, отметив, таким образом, свое совершеннолетие.

"Бар" – в переводе с арамейского, говорил мой учитель, означает "сын". А это значит, что с наступлением бар-мицвы я становился как бы сыном одной большой семьи – еврейской общины.

В школу я в тот день опоздал, явился лишь ко второму уроку. Ребята долго подтрунивали надо мной, думали, что я специально прогулял урок истории, потому что не выучил заданный параграф.

Я не стал их разубеждать. Я упорно молчал, понимая, что всего лишь час назад, побывав в другом измерении, приобрел нечто большее, нечто, чего не имели окружавшие меня мальчишки.

Я пропустил всего лишь один урок истории. Но история моей жизни, быть может, только начиналась в то морозное, зимнее, радостное для меня бельцкое утро.

С того дня в нашей семье хранится дорогая моему сердцу реликвия – пожелтевший во многих местах от

времени талит и кожаный ремешок с искусно изготовленными двумя черными коробочками с потрескавшимся на них лаком...

"ЧАРДАШ" МОНТИ

Адрес, по которому проживал мой напарник-новичок, принятый недавно на работу в наш цех, был мне совершенно не знаком. Быть может поэтому, направляясь к нему, я почти час блуждал по вечернему Тель-Авиву в поисках нужной мне улочки.

Моросил мелкий дождичек, и бесцветные прозрачные капельки влаги тоненькими кривыми ручейками струились по ярко освещенным, празднично украшенным витринам супермаркетов. Шурша колесами по мокрому асфальту, резво мчались, обгоняя друг друга, легковые автомобили. Вблизи какого-то дома, словно жалуясь на свою судьбу, тоскливо мяукала кошка, а с верхних этажей доносились беззаботные голоса, заглушавшие мелодичные звуки музыки.

В какой-то момент я поймал себя на мысли, что меня давно уже не беспокоит вопрос "где эта улица, где этот дом?", а потому стал бесцельно бродить по незнакомому городу.

Над небольшим зданием на углу ярко светила большая размеров неоновая оправа для очков, в которой ежесекундно менялся цвет дужек – от ярко-красного к фиолетовому. Рядом мерцала вывеска банка "Дисконт", будто открывая "зеленую улицу" для всех желающих хранить здесь честно и не совсем честно заработанные деньги. Поодаль расположился огромный кинотеатр с красочными рекламными щитами, на которых слилась в затянувшемся поцелуе "сладкая парочка". Этакое современное высотное здание из бетона, стекла и пластика не чета, конечно же, тому маленькому кинотеатру, чуть ли не главной достопримечательности Бельц, города моего детства.

...По выходным мама всегда выдавала мне рубль, который я крепко зажимал в кулачке, и, довольный своим богатством, вприпрыжку мчался в кино. Денег хватало не только на билет на дневной сеанс, но и на две порции фруктового мороженого и несколько стаканов сельтерской воды со сладким-пресладким тягучим малиновым сиропом. Иногда удавалось незаметно прошмыгнуть мимо конопатой тети Сары-билетерши на шестичасовой сеанс. Время еще вполне "детское", зато предоставлялась возможность вместе с взрослыми послушать двадцатиминутный концерт, который по обыкновению давали перед началом вечерних сеансов в крохотном фойе кинотеатра.

Первой на небольшую сцену выплывала красивая молодая женщина в длинном до пят черном бархатном платье. Следом за ней быстрыми упругими шагами выходил в темном бостоновом костюме коренастый, ладно скроенный мужчина лет тридцати. Свой хрупкий инструмент, скрип-

ку, он всегда держал под мышкой. Исполнив несколько модных в те послевоенные годы песенок, певичка привычно кланялась публике и, медленно пятясь, скрывалась за кулисами. И тогда на сцене оставался Он. Один.

— Вальс "На сопках Манчжурии", — медленно, словно смакуя каждое слово, объявлял скрипач. И в притихший зал неслись мелодичные звуки популярного в то время танца.

Каждый вечер люди, затаив дыхание, слушали в исполнении молодого музыканта классические произведения: Моцарта и Гайдна, Чайковского и Шопена, Бетховена и Брамса, Алябьева, Бородина... Репертуар его, казалось, не иссякал. Каждую неделю скрипач исполнял одно-два новых музыкальных произведения в переложении для скрипки. Маэстро, еврейские корни которого, по слухам, переплетались с мажарскими, считал своим долгом нести культуру в массы. И делал это вполне профессионально.

Однажды, выйдя на сцену, скрипач, растягивая слова, объявил:

— "Чар-даш" Мо-он-тии-и.

Склонив чуть влево голову с густой черной копной вьющихся волос, он крепко прижался подбородком к скрипке и резко взмахнул смычком. Пальцами левой руки он стал быстро-быстро перебирать струны, лаская их легко и нежно, а другой рукой без усталости водить по ним смычком. Широко расставив ноги, маэстроритмично, в такт мелодии, покачиваясь из стороны в сторону, подрагивая при этом всем телом. Бисеринки пота выступили на его красивом, смуглом лице.

Когда в воздухе растворился последний аккорд, на какое-то мгновение воцарилась необыкновенная тишина. Спустя секунду-другую гром аплодисментов потряс маленький зал. Собравшиеся громко скандировали "Бра-во, бра-во", долго не отпуская артиста со сцены. А он, глубоко дыша, облизывал пересохшие пухлые губы и смущенно, по-детски, улыбался. Будто хотел сказать людям: "Наверное, можно бы лучше, но уж как мог..."

Вместе со всеми я восторгался игрой музыканта и также кричал "Браво!". А по ночам мне иногда виделся странный сон: я (метр роста вместе с кепкой) в парусиновых брючках и косоворотке, стою босиком на тускло освещенной сцене со скрипкой под мышкой и мне... никто не аплодирует. Абсолютно ни один человек. Только в первом ряду, на моем постоянном месте, сидит белобрысый Витёк и громко на весь зал орет: "На мы-ло! На мы-ло!" И даже во сне я знаю, отчего он так кричит. Он просто терпеть меня не может. Сам для себя я уже тогда нашел этому самое банальное объяснение. Я был евреем. Пытаюсь ему ответить: "Сам ты..." Но не могу рта раскрыть.

На следующее утро стараюсь не смотреть в его сторону, на что мой обидчик, сосед по парте, выразительно крутит указательным пальцем у виска.

Он еще не знает, что я упросил маму отдать меня в музыкальную школу учиться игре на "четвертушке" – маленькой лакированной скрипочке цвета спелого каштана, росшего у нас во дворе.

Долго скрывать этот факт от соседских мальчишек не удалось. Вскоре они все же узнали истинную причину то-

го, что я больше не гоняю с ними на лужайке тряпичный мяч или ржавую консервную банку из-под тюльки.

Учился я не плохо, хотя нот, то бишь, звезд, с неба не хватал. К сожалению, первое детское влечение не стало моим ремеслом. Но благодарность к Маэстро за то, что он помог мне прикоснуться к одной из многочисленных граней искусства, испытывал всегда.

Окончив музыкальную школу по классу скрипки, я, конечно же, научился исполнять заветный "Чардаш". Но сколько я ни бился, у меня он звучал сухо, казенно. Хотя играл я по тем же нотам, что и учитель, и на моей скрипке были натянуты такие же четыре струны.

А Маэстро, видимо зная, что людям нравится "Чардаш" в его интерпретации, исполнял его чаще других произведений. Быть может, поэтому многие бельчане шли в кинотеатр не только чтобы посмотреть новый фильм о любви колхозного тракториста, передовика производства, к пышногрудой доярке, ударнице коммунистического труда, но и ради приятных минут общения с музыкой. Ради того, чтобы еще раз услышать "Чардаш", увидеть чудо рождения музыки, насладиться великолепной игрой виртуоза.

Время от времени и мои родители по субботам устраивали себе маленький праздник – отправлялись в кинотеатр, чтобы насладиться игрой еврея-музыканта. И в те редкие дни, когда он, словно походя, бросал в зал незнакомое слово "попурри", я, так же как и они, с замиранием сердца ждал, когда его послушный смычок легонько коснется четырех струн и начнет плести тонкие музыкальные кружева.

Даже в годы "оттепели" надо было обладать определенным мужеством, чтобы, исполняя "Гопак" или "Сырбу", тихо и плавно перейти на "Хава нагилу" и другие еврейские мелодии, а затем завершить сей музыкальный винегрет разудалой, искрометной "Молдовеняской".

Неоднократно приходилось покидать мне город детства, но я постоянно возвращался в родительский дом. Уже будучи студентом, во время каникул я нередко заходил в кинотеатр послушать Израиля Соломоновича – так, оказывается, звали моего Учителя, с которым я, к сожалению, так и не перемолвился ни единым словом.

Шли годы. Скрипач по-прежнему выступал в фойе кинотеатра на своем много повидавшем инструменте. Поговаривали, что он ещё подрабатывал частными уроками. Но как бы то ни было, а играл Израиль Соломонович, выпускник Будапештской консерватории – превосходно. Теперь-то я уже мог судить о его таланте.

Однажды вечером вместо него на сцену вышел другой скрипач. Нельзя сказать, что сухопарый, с иголки одетый "дублер" с аккуратно выбритой щеточкой черных усиков, играл слабо. Отнюдь. Правда, косноязычен он был, как все музыканты. Но особенно резануло слух, когда "Длинный" с сильным акцентом произнес "Вальц "Дунайские вольны". Слушать его игру тотчас же расхотелось.

...Дождь постепенно усиливался. "У природы нет плохой погоды", – мысленно спорил я сам с собой. Но крупные капли упрямо продолжали выбивать на асфальте барабанную дробь, отдаленно напоминавшую мне пионерский марш.

Укрывшись от непогоды под ближайшим балконом, я услышал жалобный плач пушистого комочка, недовольного своей кошачьей судьбой. Оказывается, сделав круг, я вновь очутился на том же самом месте, которое покинул полчаса назад. Через прикрытые жалюзи, словно стремясь покинуть замкнутое окнами пространство, рвалась на свободу до боли знакомая музыка.

Напрягая слух, я с трудом уловил плавное ведение смычка по струнам. Память услужливо подсказала: "ля-ля-а-а, фафа-соль-фа-ми - си бемоль...". Руки мои лихорадочно задрожали, меня начало колотить, как в ознобе, а ноги в коленях стали медленно подкашиваться.

Озарение снизошло молниеносно, и я во весь голос выпалил: "Чардаш... Чардаш Монти!"

Одинокий прохожий испуганно обернулся и многозначительно, как это делал Витька, повертел пальцем у виска. Интернациональный жест этот мне давно был знаком.

"Ну, ты даешь..." — тихо произнес я, постепенно приходя в себя. Трезво рассудив, я сообразил, что венгерский танец может исполнять кто угодно. Не обязательно Маэстро. Столько лет прошло — считай полвека. Где он сейчас, Израиль Соломонович? Быть может, его и в живых-то нет. А если и жив, то почему он должен находиться в этой стране? Почему он должен жить именно в этом доме? И почему, наконец, он обязан играть чардаш именно этим поздним субботним вечером?

"Ты еще представь себе, что у старого скрипача сегодня день восьмидесятилетия, — издевался я над собой. — В аккурат сегодня у него день рождения..."

А тем временем скрипка и смычок в руках опытного музыканта продолжали творить чудо. Так играть мог только он, только Маэстро.

Сквозь шелест дождя я всем своим существом ощущал чистоту каждой взятой ноты. Я закрыл повлажневшие глаза и увидел последнее движение неутомимого смычка. Скрипач привычно сунул инструмент под мышку, а благодарные слушатели восторженно захлопали в ладоши.

Нет, мне это не почудилось. Я отчетливо услышал громкие хлопки и одобрительные возгласы "Браво!".

Несмотря на годы, меня так и подмывало пулей взлететь по ступеням, позвонить в дверь и, даже не отдышавшись, прямо с порога сказать: "Здравствуйте, Израиль Соломонович! Я вас узнал. Так чудесно, проникновенно играть можете только Вы!"

Словно заколдованный, опустошенный внутри, стоял я у дома, не решаясь войти в незнакомый подъезд. Я боялся ошибиться. Мне казалось, переступи я невидимую черту, сразу все рухнет, как карточный домик, исчезнет столь дорогая моему сердцу память об Израиле Соломоновиче.

Нет. Я не стал искушать судьбу. И не жалею об этом. Пусть Маэстро живет. И пусть во мне, в душе несостоявшегося музыканта, постоянно звучит в его исполнении зажигательный, жизнеутверждающий "Чардаш" Монти.

ГОРОДСКАЯ ГАЗЕТА

В марте 1948 года в Бельцах, сравнительно небольшом тогда городке на севере Молдавии, была создана первая газета. Более чем за полувековое существование она претерпела немало реорганизаций. Была городской, уездной, районной, межрайонной. Газета называлась "Коммунист", затем "Искра", вновь "Коммунист", а впоследствии – "Голос Бельц". Размещалась редакция на втором этаже невзрачного домика № 22 по улице 28 Июня. В том же здании на первом этаже и в соседней двухэтажной постройке находилась городская типография. Во второй половине восьмидесятых годов прошлого столетия редакция получила, наконец, "шикарную" по тем временам "жилплощадь" в многоэтажном доме по улице Пушкина.

Как любой орган печати тех далёких застойных лет, газета являлась "рупором масс", была верным подручным партии в её борьбе за... тут читатель может вставить по своему желанию любую цель, к которой мы шли "шагами семимильными". Нам иногда казалось, что уже ясно различ-

мы горизонты той заветной мечты, а может это был лишь мираж в пустыне? Будучи студентом, и я верил словам очередного вождя о том, что "нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме". Пролетело не одно десятилетие, но обещанного светлого завтра нам так и не довелось увидеть воочию.

Сразу же оговорюсь, я не работал в газете в первые годы после её создания, а пришёл лишь спустя пятнадцать лет. Так что на полноту освещения событий ни в коей мере не претендую. Да и не ставлю перед собой такой цели. Многого не знаю, кое-что за давностью лет позабылось, а потому ни о какой полноте описания не может быть и речи. Просто хочется поделиться воспоминаниями о тех, рядом с кем довелось работать, рассказать о тех, кто в те далёкие годы вместе со мной "делал" газету.

У многих бельчан, особенно тех, кто постарше, ещё в памяти такие фамилии, как Водопьянов, Плеханов, Михайлов, Савинова, Шмундяк, Клобуцкий, Ицкович, Лупашку, Шаргу... Это они стояли у истоков газеты. Мне же запомнилось, что в 50-70 годы прошлого века работал в нашем коллективе Абрам Яковлевич Гринауцкий. Многие годы он возглавлял и партийный, и промышленный, и сельскохозяйственный отделы редакции.

В сороковом году он поступил в бельцкое педучилище, где учился на одном курсе с Борисом Главаном, чьим именем потом гордились в Советской Молдавии. Ещё бы, Борис Главан был молодогвардейцем и погиб в Краснодоне.

Абрам Яковлевич нам иногда рассказывал об этом скромном юноше. Как мы тогда завидовали этому убелён-

ному сединой человеку! Ведь он лично был знаком с одним из героев "Молодой гвардии". А мы о нём только читали в романе А. Фадеева.

Возле меня, за соседним письменным столом сидел белобрысый юноша – Серёжа Сиволобов. В середине шестидесятых мы вместе начинали, работая под началом Израиля Соломоновича Фингурта, заведомом сельского хозяйства.

Нашего шефа с пышной копной седых волос и крупными роговыми очками на переносице мы с Серёжей звали просто "Соломоныч". Он чем-то неуловимо смахивал на мудрого библейского царя Соломона. Отправляя нас дважды в неделю в командировку на задание, он всегда советовал, на что обратить внимание, как без особого труда накопать "компромат" для критической статьи.

Провожая нас, комсомольцев, в "дальнюю дорогу", большевик с почти двадцатилетним партийным стажем, непременно желал нам удачи и в шутку добавлял: "Не вернётесь – буду считать вас коммунистами". Конечно же, мы возвращались "с победой": с исписанными вкривь и вкось семикопеечными блокнотами из бумажных отходов производства Кишинёвской типографии. Первые уроки журналистского мастерства мы с Серёжей получили от "Соломоныча". Когда он нас покинул, переехав с семьёй в Кишинёв, мы будто осиротели.

Вскоре и Сергей перешёл на работу в горком партии. Спустя несколько лет он вырос до начальника городского бюро по трудоустройству. В те годы он сумел издать несколько книжек стихов и первую повесть о жизни кол-

хозного села. Встречаясь с Сергеем на различных совещаниях, я по старой памяти называл его запросто Серёжкой (не мог иначе, ведь мы с ним одного года), на что Сергей Андреевич постоянно обижался.

Вместе с нами в ту пору в сельхозотделе газеты работал Павел Рябошапка – человек без определённого возраста. С одинаковым успехом ему можно было дать и сорок лет, и пятьдесят. Брился он только раз в неделю, а выпивал каждый день. Бывали исключения из правил: мог и дважды приложиться к стакану. Если с утра не опорожнит бутылку, то в обед "приговорит" её обязательно. Употреблял он исключительно дешёвое вино.

В командировки "Соломоныч" его не посылал – не хотел рисковать репутацией газеты. А потому, человек по натуре добрый, Павлик (его иначе никто не называл), "брал" информацию по телефону. Делать это ему было трудно, ибо он заметно заикался.

К своему физическому недостатку он относился спокойно. Иногда даже подтрунивал над собой по этому поводу: "Я з-з-заикаюсь только к-к-когда раз-з-зговариваю. К-к-когда пишу это с-с-совсем не з-з-заметно...".

В течение пяти минут наш коллега умудрялся выпытать фамилии нескольких доярок, их возраст, а также количество обслуживаемых ими коров, и надоенного за месяц молока. Этого вполне хватало не только на небольшую заметку, но, порой, и на солидную "зарисовку" под рубрикой "О людях труда".

Начинал Павлик почти всегда одинаково: "Маруся (Катя, Аурика, Елена) проснулась по обыкновению рано – едва

забрел на рассвет. Быстренько сполоснув лицо, она ускоренным шагом направилась на молочно-товарную ферму. Через четверть часа девушка уже приступила к утренней дойке. Молоко длинными полновесными струями стучало о дно подойника...".

Далее перечислялись показатели ударницы коммунистического труда и имена её соперниц по соревнованию. Одним словом, мы уже знали, чем завершится повествование о той, которая оказалась лучшей не только в колхозе, но и в районе.

Тогдашний редактор Ф.Л. Крулицкий, решив уволить горе-работничка, так и сказал на очередной летучке: "Скоро, Павлик, мы с вами расстанемся...". Рябошапка всё понял, но, решив напоследок съязвить, без тени смущения выдал: "А ч-ч-что, Ф-ф-филипп Леонтьевич, вы от нас у-у-уходите?". Больше мы Павлика в редакции не видели...

Почему-то в редакции все шишки всегда достаются ответственному секретарю. Оттого и не было желающих на эту неблагодарную и порядком изматывающую должность. Ответственность поистине большая. Если всё шло хорошо – лавры доставались шефу. А случись "прокол", стрелочника искать долго не приходилось. Им, как правило, назначался ответственный секретарь газеты.

Пример? Пожалуйста. Одна небольшая, в тридцать строк, информация на четвертой полосе завершалась таким пассажем: "В гости к юным пионерам средней школы №16 пришли воины из частей Одесского военного округа".

На первый взгляд, вроде бы ничего предосудительного. В те годы в Бельцах размещался относительно небольшой

контингент военнослужащих. О том, что об этом нельзя упоминать, я был строго предупреждён, а потому, подправил текст, исключив слово "местных". Правя материалы, я постоянно следил за тем, чтобы не проскочило что-либо, свидетельствующее о наличии в том или ином населённом пункте войсковой части.

На сей раз, как мне показалось, всё стало на своё место. Одного не учёл. Подвело меня слово "пришли". То есть, пешком. Стало быть, служили солдатики где-то близко. А надо было написать "прибыли", дескать, приехали из какого-то населённого пункта, а не пёхом шли. Совсем другой коленкор был бы. "Выговорёшник" схлопотал, а как же иначе!

С того дня, чтоб дважды не наступать на одни и те же грабли, стал внимательным вдвойне. Искал "блох" даже так, где их по определению быть не могло. Потому-то более чем за пятнадцать лет работы на посту ответственного секретаря выговоров больше не достаивался.

Полтора с лишним десятка лет – это около 2500 номеров, то есть почти десять тысяч газетных полос, каждая из которых таила невидимые рифы. Иногда отделялся замечаниями руководства Главлита. Была когда-то такая хитрая организация, зорко стоявшая на страже сохранности государственных тайн. Организация эта была сродни всем известной Конторе Глубокого Бурения, от общения с людьми которой, одетыми в штатское, "холодок бежал за ворот".

Помимо всего, в каждом из ответственных секретарей "сидел" свой собственный цензор. Готовя, например, мате-

риал с отчётного концерта учащихся музыкальной школы или музыкального училища, следовало соблюсти некий баланс при упоминании юных дарований. Что поделаешь, если среди маленьких скрипачей и пианистов было много детей с такими "неблагозвучными" фамилиями, как Гринберг и Филькенштейн, Рабинович, Шмунис и Вайсман...

Да, интересной, но не лёгкой, творческой и одновременно хлопотной была должность ответственного секретаря в городской газете. И, тем не менее, заметно постаревший, но по-прежнему, хочется верить, молод душой, ловлю себя частенько на мысли: отмотай мне Всевышний назад лет сорок, "если б снова начать, я бы выбрал опять бесконечные хлопоты эти". До меня на этом поприще трудились Д.Б. Подольский, Н.Е. Гриншпун, В.Н. Житомирский...

Многие из нас ещё под стол пешком ходили, когда подающего надежды военного корреспондента Давида Подольского в составе Пресс-службы Ставки Верховного Главнокомандующего направили в конце ноября 1943 г. в Тегеран. Молодому журналисту поручили осветить историческую встречу руководителей трёх союзных во Второй мировой войне держав – И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля, принявших Декларацию о совместных действиях в войне против Германии и послевоенном сотрудничестве трёх государств, а также решение об открытии второго фронта в Европе. С заданием Давид Борисович тогда справился, за что был удостоен внеочередного повышения в звании.

Подполковник в отставке, газетчик с большим стажем, дело своё он знал на отлично. К нам, в ту пору молодым, от-

носился с уважением, но строго. Не терпел безалаберности, неточностей в материалах, не переносил некомпетентности и вранья даже в малом, был по-военному краток и пунктуален во всём.

Он никогда не повышал голоса, но, если внимательно прочитав статью, долго покачивал сидящей головой и произносил излюбленное "пиргач-самоучка", мы уже понимали, что корреспонденция написана плохо, и Давидка (так мы называли мэтра за глаза) непременно перекроит её на нужный лад.

Помню то партийное собрание, на котором коллектив должен был осудить его за то, что он – "изменник Родины" – на склоне лет, будучи уже на пенсии, решил уехать с женой в Америку, где проживала его дочь с семьёй. Товарищи по партии сидели, будто воды в рот набрали. Никто не решился дурного слова о нём сказать. А было это в середине 80-ых. И тогда редактор Л.М. Савинова сказала: "Нечего с ним церемониться, пусть уезжает к проклятым капиталистам". Скорее всего, эти слова были произнесены для ушей представителя горкома партии. Тем самым добрейшей души человек, офицер в отставке, был избавлен от позорного "пропесочивания" теми, кто ещё вчера считал себя его коллегам.

Не выносила "сырых" материалов и Ната Ефимовна Гриншпун. Отлично владея словом, юрист по образованию, она требовала от нас, литературных работников, полной отдачи. Будучи чуть ли не в вдвое старше некоторых "салаг", Ната устраивала нерадивому журналисту такую головомойку, что у того надолго пропадало желание плохо писать. При

этом сгибающаяся под грузом лет, "рыжая бестия" никогда не забывала обращаться к проштрафившемуся коллеге на "Вы".

Самое удивительное, что никто из нас не обижался на крутой нрав ответственного секретаря, у которой в груди вместо сердца бился пламенный мотор. Мы понимали, что она, как всегда, права.

Работала Натка на износ. В день выкуривала по пачке "Беломора". Её хриплый, бухающий голос постоянно звучал в длинном, узком, тускло освещённом коридоре. Она носилась по кабинетам, выколачивая из нас строки в номер.

Всё было в её жизни: и взлёты, и падения, краткосрочное счастье и невзгоды. Как нам потом её недоставало, когда перестали слышать прокуренный, с хрипотцой, знакомый картавый голос. Болела она недолго, а мучилась и того меньше, прежде чем покинула этот бренный мир.

Валентин Николаевич Житомирский, бывший одесский журналист, обладал большим чувством юмора и незаурядным талантом править наши статьи. Мог так сократить материал, что сам автор порой не замечал, как его "любимое детище" уменьшалось наполовину.

Придаться к ответственному секретарю было невозможно: корреспонденция от подобного "хирургического" вмешательства только выигрывала в качестве.

Была у Валентина "одна, но пламенная страсть" – он увлекался разведением аквариумных рыбок. Излишнее потомство уникальных обитателей десятка стеклянных ящиков он продавал на птичьем рынке, а на вырученные деньги

покупал новые экземпляры дорогостоящих рыбок. За это и поплатился. Горком партии посчитал, что негоже коммунисту заниматься подобной коммерцией. А вдруг торгаш озолотится на этой операции? Вердикт был безапелляционным: подобные действия позорят высокое звание члена КПСС... Одним словом, Житомирского из газеты "ушли" по собственному желанию.

Вот тогда-то, в одночасье, газете потребовался ответственный секретарь. А где его взять? Этому ремеслу нигде не обучают. Выход один – воспитывать в своём коллективе. Видимо об этом подумала редактор газеты "Коммунист" Лидия Михайловна Савина, приглашая меня на собеседование. Был я в ту пору редактором многотиражной газеты треста "Сельстрой". А это значит "и швец, и жнец и на дуде игрец" в одном лице. Поэтому редактор особенно не рисковала.

Не скрою, мне трудно пришлось на первых порах, но Лидия Михайловна никогда не оставляла меня один на один с неимоверной глыбой обрушившихся забот. Выпускница Минского университета, она несколько лет проработала ответственным секретарём, и потому могла многое подсказать. Писала легко и быстро, а главное, очень грамотно. Нам было у кого учиться. Замечания делала тактично, не ущемляя достоинства подчинённых. За каждого из нас горой стояла и всегда выгораживала перед начальством.

Когда Лидия Михайловна вышла на пенсию, у руля газеты стал журналист В.Т. Петренко, проработавший секретарём несколько лет. Может, поэтому с ним тоже было легко работать. Ему не надо было дважды объяснять, почему именно так, а не иначе я завёрстывал материал на газетную полосу.

Но иногда на этой почве всё же возникали конфликты. Каждому из нас казалось, что именно он прав в данной ситуации. За долгие годы совместной работы мы научились читать друг друга как открытую книгу, понимать с полуслова, а главное – прощать человеческие слабости. Быть может, поэтому всегда приходили "к консенсусу", как любил говорить Вячеслав. А в итоге побеждала дружба. Газета от этого только выигрывала.

В душе Петренко оказался поэтом. Долгое время никто в редакции не догадывался, что он пишет стихи. И только когда Вячеслав однажды экспромтом выдал "Оду на день рождения коллеги", мы поняли, что за официальным тоном, который редактор использовал для того, чтобы держать коллектив в узде, скрывался человек глубоко ранимый.

Его стихи, правда, под псевдонимом, нередко появлялись на литературных страницах газеты. Тем не менее, Вячеслав всегда был излишне спокоен и удивительно сдержан в эмоциях. Он никогда не дистанцировался от товарищей по работе. И чем больше мы узнавали нашего редактора, тем лучше понимали, что он такой же, как мы.

В. Петренко попросил меня как-то осветить праздничную демонстрацию. Первое и второе мая – нерабочие дни, третье выпадало на субботу. Если читатель не получит газету в этот день, то репортаж о Первомае прочтёт только шестого числа, во вторник. Кому нужна такая "оперативность"?

Как быть? Выход один – заранее всё написать и даже набрать. В конце апреля был утверждён порядок прохождения колонн трудящихся, так что задача значительно облег-

чалась. Я заготовил "скелет", а некоторые детали добавил позднее.

Утром второго мая линотипистки Зоя и Алла уже вовсю "строчили" на выдавших виды допотопных линотипах, а опытный метранпаж-наборщик Борис Лойферман в считанные минуты сверстал вторую полосу. Отлитая из свинцовых строк (разумеется, после внесённой корректором правки), тяжёлая полоса опустилась на рабочем лифте в печатный цех. К концу смены номер был полностью отпечатан.

А рано утром третьего мая безотказный редакционный водитель Василий Пасечник загружал допотопную "Волгу" "под завязку", и весь тираж отвозил на почту, в отдел доставки. В этот день бельчане уже с утра могли ознакомиться со "свежими" новостями.

В середине восьмидесятых наша типография перешла на офсетный способ печати, что значительно ускорило выпуск газеты. Бывали дни, когда к семи вечера весь тираж (около 20-и тысяч экземпляров) был отпечатан и упакован. Задерживаясь на работе, я иногда успевал прочесть ещё пахнувший краской номер завтрашней газеты.

Долгие годы в редакции работал фотокорреспондентом Василий Севастьянович Санду. Он "пережил" с десятком редакторов и шесть ответственных секретарей. Любил Вася дело своё и "план" перевыполнял. Ежемесячно сдавал до сорока снимков, из которых почти все были проходными.

Была у него привычка чуточку приукрашивать действительность. В бытность мою ответственным секретарём, Севастьяныч частенько выкладывал на стол несколько

экземпляров фотографий, на которых у рабочих разных предприятий были нахлобучены на голову кепки или шапки (в зависимости от времени года) одного и того же фасона.

Первое время я никак не мог взять в толк, как это у токаря завода электроосветительной арматуры, слесаря электротехнического завода и сварщика научно-производственного объединения "Сельмаш" оказывались одинаковые фуражки или меховые ушанки. Потом уж до меня дошли слухи: "лакировщик" Вася, оказывается, постоянно возил с собой в коляске мотоцикла "Урал" необходимую экипировку.

Был в загашнике у него и вышедший из моды галстук в горошек, который он частенько повязывал на шею героям своих репортажей, чтобы сделать их более привлекательными.

А ещё он хранил несколько оригинальных негативов белопенно цветущих яблонь и акаций. Когда весна выдавалась холодной, и за неделю до Первомай деревья ещё не расцвели, наш фотокорреспондент умело монтировал в праздничный номер красивый кадр, на котором улыбающаяся группа передовиков производства стояла на фоне "рано" зацветших деревьев. Ведь так хотелось, чтобы наша газета была не только читабельной, но и "смотрибельной", или, как бы сказали сейчас, рейтинговой.

Помнится, в Молдавию с гастролями приехала Людмила Зыкина. В Бельцах она давала один-единственный концерт. Редактор дал фотокору задание – срочно подготовить в номер "на завтра" несколько снимков певицы крупным планом.

Вместе с Васей, по удостоверению члена Союза журналистов СССР, я прошёл в зал Дворца культуры на Октябрьской площади. Когда на сцене появилась Л. Зыкина, Василий тут же приблизился к рампе и щёлкнул затвором "Зенита".

Что тут началось... Звезда эстрады, неожиданно ослеплённая вспышкой яркого света, страшно возмутилась и, не стесняясь в выражениях, сказала нашему Севастьянычу всё, что успела о нём подумать. Вася быстро ретировался на место и затих. Однако профессиональная гордость не давала ему покоя. Минут через пять, когда над замороженным залом плыли знакомые слова: "Течёт река Волга-а-а, а мне семнадцать лет...", Вася зло шепнул мне: "Да не семнадцать ей, а все семьдесят..." И под чарующие звуки тульского баяна на цыпочках подобрался вплотную к сцене, сделал ещё парочку снимков и быстрым шагом удалился из зала.

На следующее утро газета вышла щедро иллюстрированная фотографиями Людмилы Георгиевны Зыкиной. Конечно, мне позвонили из ГК партии и настойчиво посоветовали "принять меры административного воздействия к не в меру прыткому фотокорреспонденту". Я, конечно, забыл передать редактору этот разговор с представителем горкома, чьим печатным органом газета являлась в те застойные времена.

Не дождалась Севастьяныча старость. Когда его не стало, наша газета "Голос Белъц" ещё с месяц выходила со снимками, под которыми читалась лаконичная строка: "Фото В. Севастьянова". Это был литературный псев-

доним нашего долгие годы бессменного фотокорреспондента.

Верно заметил небезызвестный Козьма Прутков о том, что нельзя объять необъятное. О каждом из тех, с кем посчастливилось долгие годы работать в газете, я мог бы написать гораздо больше. И разве нечего сказать о молодых, которые пришли на смену нам, "старикам"? Сегодня, спустя полтора-два десятилетия, уже их, пока ещё в шутку, называют "старичками".

Перед тем, как навсегда покинуть родные Бельцы, город, в котором я прожил 45 лет, мы, почти весь коллектив газеты, вышли на редакционное крыльцо, и кто-то из "новобранцев" сфотографировал нас на память. На оборотной стороне фотографии "мальчишки и девчонки" написали свои дружеские пожелания здоровья, удачи, счастья и благополучия на Святой земле. А одна из молоденьких сотрудниц, Ирочка Лаврова, разразилась идущими из глубины души виршами:

Ну вот и всё... Ваш чемодан закрыт,
И книги в стопках сиротливо перевязаны,
Глаза не плачут, сердце не болит,
Билеты в самолёт давно заказаны...

Повседневная действительность Израиля не очень располагает к безудержной радости. По видимому, наша еврейская планида, как совершенно по другому поводу ска-

зал поэт, "для веселья мало оборудована". Поэтому, когда меня временами одолевает беспричинная грусть и душу об
медленно перелистываю страницы с пожелтевшими фотографиями.

На некоторых снимках я подолгу останавливаю затуманенный взгляд и пристально, сквозь очки, всматриваюсь в лица тех, кто уже давно не с нами.

Это люди, с которыми я делал одно общее дело и с которыми делил общие беды.

Смотрю я и на это фото, где рядом со мной мои друзья-коллеги по нелёгкому журналистскому труду – редактор Симон Дубиков, заведомо Надюша Строганова и Коля Куземский, корреспондент Валя Калашникова, корректор Розочка Бланк...

И в сотый раз убеждаюсь, как была права недавняя выпускница Кишинёвского университета Ира Лаврова, написавшая на этой дорожкой мне фотографии:

Но всё же знайте: тоненькая нить
Вас будет связывать незримо и навечно
С друзьями старыми, которых не забыть,
Что смотрят в объектив слегка беспечно...

Рахель Шнайдер (Гринблат)

ВОСПОМИНАНИЯ

Я родилась в 1937 году. Моя мама, Чарна, в девичестве Коган, вышла замуж в 1935 году за вдовца Абрама Гринблата, у которого уже было пятеро детей. Старшей девочке было 13 лет, младшему сыну – 2 года. В совместной жизни у них родились ещё четверо. Один умер в дороге, в эвакуации. Звали его Мойшэлэ, и было ему всего полтора годика.

Мама не умела ни читать, ни писать, а папа закончил четыре класса ещё при царе Николае II, когда Бессарабия входила в состав Российской империи. Папа родился в 1898 году в семье шорника Овсия Гримблат и его жены Песи. Папа очень рано начал работать. На заработанные деньги он учился играть в шахматы, играть на гитаре и танцевать.

По тем временам, и учитывая, что он рос в многодетной еврейской семье, это были довольно смелые, даже вызывающие, шаги. На гитариста он так и не выучился, зато в шахматы играл превосходно, и хорошо танцевал. Отец был нашим первым учителем шахмат и танцев.

Первые после войны шахматы он купил во время голода 1946 года. Он поехал в Черновцы обменять кое-что на продукты, а привёз шахматы. Я помню, как горько плакала мама, которой нечем было кормить детей.

Папа научил нас, троих младших детей, играть в шахматы. Фигуры он называл своеобразно: Крепость, Офицер, Конь, Слон, Солдатик. Цифровое и буквенное обозначение шахматной доски он не знал. И, тем не менее, мои братья очень хорошо играют до сих пор, и учат теперь играть в шахматы внуков. Я же забросила шахматы ещё в Бельцах, как только начала работать.

Когда мы были маленькими, папа рассказывал нам о прочитанных им книгах и разные истории, а так же пересказывал нам Тору.

Живя в Бельцах очень трудно на зарплату в 36 рублей, он ухитрился купить нам радио вместе с проигрывателем. И у нас на вечеринках, в одной единственной комнате по улице Шмидта, собирались наши сёстры и братья, наши подруги и друзья, и папа всех учил танцевать. На пластинки мы уже зарабатывали сами. Комплект этих старых пластинок пропал у нас при выезде в Израиль в 1987 году.

Мои друзья и друзья моих младших братьев объединились в одну компанию. Нас было много, и папа с мамой всегда веселились с нами. Никакой разницы в возрасте мы не ощущали.

В те далёкие тяжёлые времена мама готовила нам вареники из чёрной муки и разные винегреты. И это были самые лучшие, самые вкусные блюда. Жили мы очень бедно, но дружно. Я не помню каких-либо ссор.

Учиться я начала в Паскауцкой начальной школе. Зимой ходила по грязи в связанных из шерсти лаптях, в обносках, а летом крутилась возле мамы, бабушки, братьев и сестёр.

Пятый класс я закончила в Проскурянской школе, проходя каждый день по шесть километров по просёлочной дороге вместе с братьями, которые учились в старших классах. Потом мы переехали жить в Бельцы, на Пэмынтэны. Там я закончила 6-ой и 7-ой классы и курсы счетоводов. 6-ой и 7-ой классы я закончила плохо, зато курсы – с отличием!

В детстве я всегда была голодна. В своей убогой одежде я чувствовала себя очень плохо, и постоянно стеснялась в среде городских детей. К тому времени мы уже жили в одной комнате с кухней по улице Шмидта №9 в центре города. Улица пересекала Ленинградскую и Николаева и заканчивалась у обрыва, за которым начиналось болото – Толока.

Возле дома была будка, где работал "шойхет", резник, и все еврейки приходили к нему резать кур. На болоте находилась угольная ветка и несколько сараев, наполовину утопавших в грязи. Там жили бывшие репрессированные, лишённые права возвращаться в свои города.

Там же жила сестра не то Цветаевой, не то поэта Светлова. Она всегда мне говорила: "Деточка, я сестра...", но мне не знакомы были тогда эти имена, и не придавала её словам никакого значения.

Ещё в пятом классе я узнала, что такое библиотека, и увлеклась чтением больше, чем учёбой. Могу с уверенно-

стью сказать, что книги меня воспитали такой, какая я сейчас.

В шестом классе со мной училась девочка Лиля (похожая на еврейку), и она была моим кумиром. Она ухаживала за мамой, больной туберкулёзом, делала ей уколы, вела хозяйство неизвестно на какие деньги, училась хорошо и была всегда опрятно одета. После смерти матери, кто-то из бельчан Лилю удочерил.

Я помню переростка Васильева из детского дома, который находился по улице Ленинградской напротив ул. Котовского. Впоследствии здание детского дома снесли и на его месте построили двухэтажную школу.

Васильев и его сестра Надя успели повоевать в партизанских отрядах. Он был награждён медалями и орденом. Учился он прекрасно, и был душой общества и школьным заводилой. Он даже позволял себе вступать в пререкания с учителями. Нас, "серых мышек", это всегда удивляло и возмущало. Я не знаю, что случилось с Васильевым в дальнейшем, но, уверена, что добился он многого.

Мне не было ещё и шестнадцати лет, когда я начала работать картотетчицей на аптечном складе. Я была такой худенькой и слабой, что мне даже рекомендовали провериться на наличие туберкулёза.

До замужества в 1960 году я работала счетоводом в разных организациях Бельц. В 1960 году я вышла замуж за преподавателя Тобольского пединститута Марка Зильберга, чьи родители были в своё время репрессированы. Вместе мы уехали в станицу Рождественскую на Кубани.

Я уехала с мечтой получить помощь в учёбе, хотела окончить хотя бы техникум. Но жизнь молодая не сложилась. Помощи в учёбе не было и в помине, и, потеряв два года заочной учёбы в Кишинёвском техникуме, я вернулась домой.

В те годы, на фоне прочных семейных уз моих старших братьев и сестёр, развестись считалось невероятно смелым, чуть ли не героическим, поступком. Однако мой муж не соглашался на развод, и семь лет, до выхода нового закона о разводе, я висела между небом и землёй – и не замужем, и не разведена.

В 1962 году я поступила работать в банно-прачечный комбинат, который находился по ул. 28 июня в помещении бани. Очень много курьёзных случаев пришлось мне пережить в стенах бани. Сначала я работала счетоводом, затем бухгалтером, и к 1967-му году я уже была старший бухгалтер на правах главного.

Коллектив был большой: банщики, парикмахеры, сапожники, красильщики и выдельщики кож. С уверенностью можно сказать, что коллектив на 85% состоял из евреев – демобилизованных участников войны. Комбинат стал расти и процветать при директоре Михаиле Вильшанецком.

В 1965 году директором был у нас бывший штурман К.М. Пильщиков, а секретарём партийной организации Лёва Бошер.

Мне, как самой молодой в коллективе и как активной комсомолке, дали рекомендацию для вступления в партию. Я прошла все инстанции на отлично, а на бюро горкома

партии меня красиво... не приняли. Сказали, что я недостаточно подготовлена.

К тому времени я закончила то ли двухгодичные курсы, то ли институт, не помню, марксизма-ленинизма. Институт находился по улице Ленинградской, напротив старой почты. Закончила я его с отличием, и сама вела на работе политзанятия и, по определённым дням, кружок марксизма-ленинизма.

В Красном уголке комбината были накрыты столы, чтобы отметить моё вступление в партию, а меня проваляли... Это был удар не только для меня, но и для всего коллектива.

Смелый воин в прошлом, и смелый, по тем временам, директор Пильщикова написал письмо в ЦК компартии Молдавии и в ЦК КПСС в Москву. В письме он отметил, что настоящей причиной моего "провала" было моё еврейское происхождение.

Что тут началось! К нам зачастили проверяющие из Москвы и Кишинёва. Директору вынесли строгий выговор по партийной линии, а мне предложили прийти на повторное бюро горкома партии. Я отказалась. Как выяснилось впоследствии, директор Пильщикова знал, о чём говорил и писал. В тот день на бюро закрылся "еврейский" процент. План приёма евреев оказался выполненным до меня, а о перевыполнении плана в таком деле и речи быть не могло.

В общем-то, это не было новостью. Я сама не раз присутствовала на совещаниях в Министерстве бытового обслуживания, на которых указывалось, что награждать почётными грамотами или медалями нужно только молда-

ван. Однако работников-евреев было так много, что власти вынуждены были награждать и их.

Я помню и то время в Бельцах, когда в автобусах и в общественных местах говорили на идиш. А потом потихонечку поползли слухи, что, мол, надо бы всем говорить по-русски, чтобы все окружающие могли понимать, что ты говоришь.

Я помню, как мы проводили вечера на спектаклях и праздничных встречах в старом уютном драматическом театре. Помню, как мы бегали доставать лишний билетик на гастроли известных артистов. В то время было очень престижно посещать театр.

Я так же помню, как на одном из новогодних маскарадов был зарезан прямо у вешалки прекрасный еврейский парень Ян, организатор этого праздника. Вроде, какая-то ошибочка вышла... А он был единственным сыном в семье!

В 1969 году меня перевели работать старшим бухгалтером в новую химчистку. Здание построили по ул. 28 июня угол Ленинградской и Николаева. Напротив, через дорогу, был военный госпиталь.

Мой общий стаж работы старшим бухгалтером на правах главного и главным бухгалтером – тридцать с лишним лет. А работала я, в основном, на предприятиях бытового обслуживания.

В 1987 году я вышла замуж за Николая Шнайдера, и вместе с ним и его семьёй уехала в Израиль. Мы поселились в Акко, где и живём до сих пор.

В 1999 году мы с мужем поехали навестить могилы наших дорогих, в том числе, могилу моей мамы – доброй

женщины, заслуживающей отдельной книги воспоминаний. Это она вырастила нас, всех детей, такими дружными, заботящимися друг о друге по сей день.

Хочу помянуть добрым словом бельцкого врача Людмилу Попову, которая долгие годы лечила нашу маму. Только благодаря её усилиям тяжелобольная мама прожила не один год. Умерла она в 1979 году. Огромная толпа людей провожала её в последний путь, на бельцкое кладбище. Значит, её знали и любили в нашем городе. Папа же умер уже здесь, в Израиле в возрасте 96-ти лет.

Бельцы мы нашли в плачевном состоянии. На каждом шагу торговые точки. Нищета, разбитые дороги, пустынные улицы. Только бывшая улица Ленинградская, вся в ямах и в рытвинах, была полна транспортом и людьми.

Завод им. Ленина стоял с разбитыми окнами. Оборудование, говорят, давно разворовали. В здании заводоуправления помещались частные компании.

Зерно, хранимое в элеваторах, переводилось на водку для элиты, потому что печь хлеб из дорогого зерна было невыгодно.

Проспект Победы стоял в блестящем запустении: дорога разбита, транспортные остановки загажены и растерзаны вандалами. Главные ворота винно-коньячного завода закрыты наглухо. Света в городе не было. Большая городская электростанция давала электричество только больницам и некоторым другим объектам. Улицы не освещались, свет и воду в дома подавали только в определённые часы. Пенсии не выдавались по 5-6 месяцев, да и назвать эти 8-10 долларов пенсией как-то язык не поворачивается.

Люди рассказывали, что в начале независимости жители многоэтажек делали печки на улицах, или же сносили примусы и готовили на них еду прямо вниз.

Нам было страшно там находиться, в этой одичалости. Городской общественный транспорт исчез. А когда мы ехали из Бельц ночью автобусом до Кишинёвского аэропорта, то не надеялись доехать живыми. Очень уж была разбита трасса Бельцы – Кишинёв, и через каждые 30 километров стояли посты милиции. Деревни, мимо которых мы проезжали, были без света, и мы ехали в ночной темноте в полном одиночестве. Никакого транспорта, кроме нашего автобуса, на трассе не было.

Мы были просто счастливы, когда вернулись в Израиль. И мы счастливы, что вообще живём в Израиле, в своей маленькой родной стране